

АГЕНТ С БОМБОЙ В ПОСТЕЛИ

ТРИЛЛЕР, НАПИСАННЫЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ РАЗВЕДЧИКОМ

Михаил
ЛЮБИМОВ

Агент ГРУ. Триллер, написанный военным разведчиком

Михаил Любимов

С бомбой в постели

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Любимов М. П.

С бомбой в постели / М. П. Любимов — «Эксмо»,
2018 — (Агент ГРУ. Триллер, написанный военным разведчиком)

ISBN 978-5-04-092221-5

Две сильнейшие мировые разведки, советская и английская, незримо сражаются на дипломатическом поприще в Лондоне. В ход идут любые средства: прослушка, наружное наблюдение, шантаж, провокации... Внимание англичан привлекает торговый представитель советского посольства Игорь Воробьев. Нерешительный, слабый духом, ведущий аморальный образ жизни, он как нельзя лучше подходит на роль перспективного агента. Но наша резидентура своевременно раскрывает план предстоящей вербовки. Разведчики вырывают из лап противника незадачливого Воробьева и спешат переправить его самолетом в СССР. Однако в аэропорту разыгрывается драма, предугадать которую было невозможно...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092221-5

© Любимов М. П., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Предисловие	6
Лондонский ноктюрн	8
Драма английского гее	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Михаил Любимов

С бомбой в постели

© Любимов М.П., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Предисловие

Как ни комично, но любовь и разведка, в отличие от гения и злодейства, вполне совместны и соседствуют под одним балдахином. История человечества начинается именно с этого: Ева соблазняет (вербует) Адама, за что Господь изгоняет их из рая, а нам, беднягам, до сих пор приходится тяжело платить за это жуткое грехопадение. Далее все в том же ключе: сподвижник Моисея Иисус Навин засылает блудницу Раав в осажденный Иерихон, и она открывает ворота его войску. Иерихон завоеван, триумф Навина! Самсон в любовных утехах сообщает возлюбленной Далиле, что вся его немыслимая сила – в волосах, она вероломно их отрезает и передает потерявшего бдительность гиганта в плен филистимлянам, Прекрасная Саломея просит царя Ирода умертвить Иоанна Крестителя, и вскоре ей приносят на блюде его голову.

Эти библейские истории проходят через всю историю человечества. Много шума наделала Мата Хари, но в девятнадцатом веке русская княгиня, жена нашего посла в Англии Дарья Ливен (Бенкендорф) имела дружеские/близкие отношения с министром иностранных дел Англии Каннингом и с центральной фигурой Священного Союза канцлером Меттернихом, очаровала министра иностранных дел Франции Франсуа Гизо и докладывала полученную от них информацию самому царю. Это вам не сведения, полученные проституткой Матой от офицеров! А кто помнит подвиги наших героических женщин Мазаник и Осиповой, подложивших в Минске бомбу в постель фашистского гаулейтера фон Кубе?

На мой взгляд, холодная война началась сразу же после Октябрьской революции, бросившей вызов капиталистам всего мира. Нашим национальным гимном был Интернационал, «весь мир насилья мы разрушим до основания...» пели мы, и даже после запрета Коминтерна и смерти Сталина были уверены в победе нашего социализма над капитализмом. Вряд ли такая перспектива устраивала капиталистический Запад, где после войны резко возросло влияние коммунистических партий. Советский Союз стремился избавиться от международной изоляции и укрепить отношения с Западом, разведки же продолжали тайную войну.

Все спецслужбы имеют триумфы и фиаско.

Английская разведка блестяще осуществила дезинформацию немцев относительно места высадки своих войск в Сицилии, подбросив им труп своего офицера с депешей о месте высадки (ложном). Англичанам удалось дешифровать немецкие коды (знаменитая Энигма), и это сыграло важную роль во Второй мировой войне.

Фашистская разведка не была лыком шита: накануне вторжения в Бельгию немцы послали соответствующую депешу, однако курьеры, призванные доставить оную в войска, по разгильдяйству приземлились в Бельгии и были арестованы. Сначала Гитлер решил отменить наступление, но потом решил иначе. Немецкая разведка пустила слух, что наступление произойдет в другом месте, но на самом деле план решили не менять. Союзники были уверены, что немцы изменят ставший известным план, но ошиблись – немцы двинули войска и победили под Дюнкерком.

Американская разведка появилась только во время Второй мировой, но уже начала активные поиски сепаратного мира, впрочем, безуспешные. Зато ЦРУ отличилось в тайных операциях – борьба с коммунистами в Италии и Франции, вторжение в Гватемалу и потом в Никарагуа, переворот в Чили. Этот опыт с переменным успехом использован на Ближнем Востоке, на Украине. ЦРУ часто совершает промахи, но действует системно и целеустремленно (вкуче с госдепартаментом).

Французская разведка особо себя не зарекомендовала, а вот израильский Моссад прославился острыми операциями (похитил и предал суду военного преступника Эйхмана, освободил заложников в аэропорту Энтеббе).

Советская разведка отличалась важной особенностью: она всегда опиралась на мировое коммунистическое движение и его фанатичных симпатантов. Эта среда всегда являлась ценнейшим подспорьем для вербовки агентуры. На первых порах основные усилия направлялись против белогвардейских организаций, действующих за рубежом (вплоть до похищения генералов Кутепова и Миллера), но постепенно удалось завоевать серьезные позиции внутри западных стран. Общеизвестны имена Кима Филби и всей «кембриджской пятерки», проникновение в американский истеблишмент, не говоря о ФРГ (дело Фельфе и др.). Главным историческим достижением нашей разведки является получение материалов об атомной бомбе, что позволило быстро достичь ядерного паритета с США.

Медовые ловушки никогда не являлись главным оружием разведок, но в них порою оказывались соблазненные господа и товарищи. В 50-х первый секретарь посольства США в Москве Аннабелла Бюкар влюбилась в солиста театра оперетты (агента КГБ), попросила у нас политического убежища, благополучно вышла замуж и написала книгу «Правда об американских дипломатах». Заместитель представителя СССР в ООН Аркадий Шевченко тоже влюбился в американку и попросил убежища в США, однако не женился, ибо она оказалась не только агентом ФБР, но и проституткой. Медовые ловушки активно использовала восточно-германская разведка, небезуспешно подсылая своих нелегалов к секретаршам министров правительства ФРГ.

В этой книге, основанной на реальных историях, собраны «веселые картинки» холодной войны, которая, увы, ныне продолжается в иных, порой своеобразных, формах.

Автор пытался заглянуть в души разведчиков (и контрразведчиков) противоборствующих сторон, избежать шаблонов, когда суетятся и бесконечно стреляют непобедимые штирлицы и самовлюбленные джеймсы бонды. В книге показаны живые солдаты невидимого фронта с обеих сторон, которые вербуют, любят и тоскуют. Советский гражданин за границей имеет ребенка от иностранки и становится жертвой схватки враждующих разведок; наш боевик ликвидирует врага народа, но впоследствии влюбляется, и переходит на сторону того самого ненавистного врага. Турецкого посла, как Лаокоона, опутывают сногшибательные бабы – подставы, но в результате все оборачивается весьма странным образом; английскому гею чрезвычайно везет в Москве: его обслуживают высшего класса гомосексуалисты из музыкальных кругов. В Париже наш незадачливый генерал не может установить контакт с загадочной американской агентессой, она возникает и исчезает как фата-моргана; в Египте жена атташе проникается нежностью к датскому догу, начинается борьба секретных служб, и все кончается трагедией. В гостинице «Метрополь» бурно соблазняют американку, в Хабаровске оперативник по-настоящему дружит с японским агентом, в Москве англичанин женится на русской уборщице, оба соглашаются на вербовку органов, но... Нарисованы портреты различных агентов: хитроумных подстав контрразведки противника, агентов, преданных до конца, агентов сомневающих и мнящихся.

Разведка – это искусство, а не наука (да простят меня ломоносовы и галилеи спецслужб), главное в этом деле не только голова, но и личные качества, воля, целеустремленность, смелость и, пардон, нахальство. Всякие теоретические обобщения весьма относительны, как учил нас мудрый Гёте: «Суха, мой друг, теория везде. Но древо жизни пышно зеленеет». Посему изучение бесконечно разнообразных историй из практики разведки и контрразведки может заменить целый год выслушивания унылых лекций на каких-нибудь загадочных курсах.

В дорогу по страницам, дорогой читатель!

Автор

Лондонский ноктюрн

*Да, Лондон малость чересчур для нас.
Не то что я хочу вас этим обидеть –
Просто мы тут сошли бы с ума.*

Т. С. Элиот

Когда в посольстве СССР, что на Кенсингтон Пэлэс-гарденс, затаившейся близ Кенсингтонского дворца улице миллионеров, проходило партийное собрание, в русском отделе британской контрразведки – МИ-5 – наступал истинный праздник. Уже за неделю об этом событии становилось известно контрразведке, именовали его не иначе как «профсоюзным» – ведь большевистский ЦК еще с коминтерновских времен повелел конспирироваться, опасаясь, что англичане поставят комячейку в посольстве вне закона. Но хотя многие хохотали над архаичностью «профсоюзной» вывески, поднять руку на нее никто не смел: в Москве еще живы были зубры, стоявшие у истоков этой глубокой зашифровки.

Трансляция собрания в скромное здание МИ-5 недалеко от вокзала Виктория проходила через искусно заделанные в зале посольства микрофоны (операцию провели много лет назад через русскую агентессу-уборщицу), до сих пор не обнаруженные советской службой безопасности, лайв шоу через мониторы поступало прямо в кабинет, где для пущей фееричности на табло высвечивались фотографии выступавших и их краткие биографии. Все это создавало сочный спектакль, дававший фору любой комедии Уэст-Энда, и потешало не только обитателей кабинета – Джорджа Листера, Джеймса Барри и Вивьена Колина, но и других рыцарей русского отдела, не упускавших случая, чтобы заглянуть в кабинет и выпить заодно чаю, приготовленного добросердечной во всех отношениях секретаршей Молли. И даже сам начальник отдела легендарный Питер Дженкинс, всю жизнь посвятивший беззаветной борьбе с коварными русскими, иногда являл свою персону подчиненным, устроившись скромно в уголке на стуле. Присутствие шефа вносило некоторое оцепенение в ряды зрителей, любивших крепкие шутки в адрес выступавших.

К самому началу собрания народ обычно стягивался вяло, зная косноязычность секретаря партийной организации Переверзева, который говорил медленно, бесконечно повторялся и такого тянул кота за хвост, что страшно сказать. Однако в этот день посещаемость была выше обычной.

– Всё ли мы сделали для улучшения англо-советских отношений? – риторически вопрошал Переверзев, протыкая указательным пальцем воздух. – Нет, товарищи, далеко не всё! Конечно, посольство поработало в этом плане неплохо, однако впереди еще много важных проблем, которые требуется разрешить (тут его завертела пучина слов, из которой не выбраться).

– Ну и наглец! – хмыкнул розовощекий Джордж, попутно прихлопнув муху, уже давно парившую над его головой, – он слыл не только закаленным борцом с русскими, но и убийцей любого вида насекомых, которых он выискивал в самых невероятных местах. – Подумать только: болтать об англо-советской дружбе и в то же время под завязку забить и посольство, и все другие советские учреждения сотрудниками КГБ и ГРУ!

Тезис о постоянном наращивании советской разведывательной мощи в Англии, о том, что «они здесь, словно тараканы», несомненно, можно отнести к самому популярному в русском отделе, возмущение обычно сопровождалось сетованиями по поводу скупости парламента, экономившего каждый пенс на святое дело безопасности, в том числе и на контрразведку.

– Наши бездельники из английской разведки МИ-6 тоже в Москве говорят о дружбе, – отозвался Джеймс, отразив в этой короткой реплике глубинные противоречия между

МИ-5 и МИ-6. – Правда, совершенно непонятно, зачем разыгрывать спектакль друг перед другом?

– Русские патологически конспиративны и всегда исходят из того, что их подслушивают. Тем более что собрание проходит в незащищенном помещении, где запрещено говорить на секретные темы, – пояснил Джордж. В разведшколе славянскую душу изучали досконально и знали, что кроме всего прочего она недолюбливает иностранцев, отличается беспечностью, разгильдяйством и непонятными метаниями из одной крайности в другую, склонна к беспредельному пьянству и удручающей прямолинейности.

– Может, они просто знают, что у нас там «жучки»? – заметил Джеймс.

– Исключено. Они бы сразу их изъяли.

Джеймс промолчал и подумал, что это совсем не обязательно – ведь можно исходить из презумпции, что вместо старых «жучков» поставят новые. Так не лучше ли жить со старыми и хорошо известными?

Между тем Переверзев снял очки, что указывало на переход от рутинного толчения воды в ступе к душевным откровениям, и внимательно осмотрел зал подслеповатыми глазами. Зал тут же притих и даже замер.

– А теперь, товарищи, я хотел бы затронуть проблему коньяка...

Тут Джордж издал радостный вопль и несколько раз ударил кулаком по стене. Кабинет тут же стал наполняться сотрудниками, и появился даже сам шеф, не пожелавший присесть и прислонившийся к стене у дверей, засунув руки в штаны из бежевого кавалерийского габардина.

– Вам известно, что произошло большое несчастье, – продолжал Переверзев, – большая беда для нашего государства: по вине московской внешнеторговой организации, пренебрегшей консультациями с нашими посольством и торгпредством, в Англию ввезли для продажи большую партию армянского коньяка, снабдив не этикеткой «бренди», а этикеткой «коньяк».

Он помолчал, ожидая реакции зала, но ее не последовало: никто ничего не понял.

– Коньяк является исключительной монополией французов, и использование этого названия противоречит международному праву. Посоветовавшись с Москвой, – тут Переверзев сделал многозначительный акцент, будто он советовался не меньше чем с генеральным секретарем, – мы приняли решение не вывозить груз обратно, неся новые расходы, а реализовать его внутри советской колонии по доступной цене, то есть по два фунта за бутылку. И вот итог: должен вас поздравить, товарищи, – Переверзев не был совсем лишен чувства юмора, – партия коньяка была реализована в рекордно короткий срок: одна неделя! Уверяю вас, что англичанам на это дело потребовался бы по крайней мере год.

В зале посольства и в кабинете МИ-5 одновременно раздался дружный хохот, словно наступило единение врагов и все радовались этому великому событию.

– Но это предыстория. Смысл моего выступления сводится к тому, что пустые бутылки валяются не только рядом с королевским дворцом здесь на Кенсингтон Пэлэс-гарденс, но даже в пригородном Кью-гарденс, – строго завершил свой спич Переверзев. – Спасибо за внимание.

По залу пробежал блудливый шепоток, народ пересматривался и перемигивался, словно банда преступников, повязанных одною веревкою: коньяк прошел через желудки всех присутствующих, кроме, пожалуй, первого секретаря Пурникова, человека на редкость интеллигентного и, видимо, потому потерявшего контроль после даже малой рюмки. Язвительный, как и все непьющие, Пурников подумал, что бутылками забросаны не только Кью-гарденс, но и почтенный Риджент-парк с оленями и гольфовыми площадками, и, уж конечно, королевский Виндзор, куда обожали выезжать на пикники.

– Кажется, я видел пустую бутылку в урне рядом с входом в нашу фирму, – попытался пошутить обычно молчаливый юный Вивиан, поступивший в русский отдел лишь два года назад, сразу после Оксфорда, однако на его остроу никто не отреагировал (если бы это изрек

Питер Дженкинс, комната обрушилась бы от хохота). Тем временем наступившая пауза сменялась прениями.

– Слово предоставляется товарищу Ирине Воробьевой! – объявил председательствующий.

На трибуне появилась полная дама лет сорока с твердыми чертами лица, волевым подбородком и благородно длинным носом, под которым чернели растопыренные в разные стороны усики, причем изрядно помятые, словно по ним проехал пылесос.

– Я сама армянка, товарищи, моя девичья фамилия Акопян, и потому мне особенно больно за армянский коньяк. Распродажа его по дешевым ценам нашим сотрудникам была глубоко гуманным актом руководства посольства и профорганизации (она сделала паузу и тепло посмотрела и на посла, и на Переверзева, сидевших в президиуме), и тогда, конечно, никто не подозревал, что найдутся безответственные товарищи, которые будут разбрасывать по всему Лондону пустые бутылки с надписью «Сделано в СССР». Что подумают о нас англичане? Неужели те, кто бросал пустые бутылки, не понимали, что бросают тень на свою Родину? Казалось бы, это мелкий вопрос, но одна такая пустая бутылка сводит на нет наши усилия по укреплению англо-советской дружбы. Не подумайте, что я аскет, товарищи, я сама иногда выпиваю (смех в обоих помещениях), но не забывайте: вы – в капиталистической Англии с вековыми предрассудками, где даже в паб не пустят с собственной бутылкой!

Джордж воздел руки к небу, аудитория завывала от восторга, а Питер Дженкинс вынул платок из штанин, где покоилась его рука, и промокнул капельку у глаза. Тема пустых бутылок обсуждалась живо, диапазон выступлений колебался от мрачно осуждающих до гнусно ерничающих, злобствующий Пурников даже предложил резолюцию, обязывающую профбюро торгпредства впредь контролировать подобные распродажи. Но наступал уик-энд с его загородными поездками и дружескими застольями. Засиживаться никому не хотелось, и все разбежались по своим норам.

В субботу Игорь Воробьев, взяв жену Ирину и десятилетнего сына, устремил свою «Волгу» к галерее Тейт. Игорь считал своим долгом самообразовываться и соответственно приобщать к культуре жену и сына. Тейт он ставил на первое место по сравнению с Национальной и Портретной галереями, хотя больше всего предпочитал небольшие музеи вроде Коннот, Уоллес или Кенвуд в диком парке Хемстед-Хит.

– Честно говоря, меня мутит от этого модерна, – говорила Ирина. – Не зря Хрущев дал по одному месту нашим абстракционистам – такое и осел может намалевать своим хвостом! Лучше лишний раз взглянуть на ахматовскую мозаику в Национальной галерее, жаль, что ее сделал эмигрант Анреп (Ирина работала над собой, любила блистать в обществе, и в этих целях раскапывать раритетных художников).

Игорь грустно посмотрел на помятые усики.

– Ты можешь посидеть в машине или прогуляться по набережной, – заметил Игорь. – В галерее не только абстракционисты, там и Тернер, и Мур...

– У этого Тернера один туман и ничего не видно, – возмутилась Ирина, вышла на набережную и медленно двинулась вдоль Темзы, критическим оком рассматривая прохожих. Игорь обожал модерн, впрочем, и сын Витя начал увлекаться скульптурами Генри Мура, похожими на первобытные глыбы, ходил и поглаживал их рукой, хотя предпочитал не художественные галереи, а посольскую дачу под Гастингсом, подаренную Советам каким-то сбрендившим индусом-коммунистом, дети чувствовали там себя вольно и с удовольствием разламывали муляжи рыцарей в кольчугах, раздирали старинные шпалеры. Домой возвращались молча, Игорь, впрочем, несколько раз пытался оживить атмосферу, но отвердевший подбородок Ирины и застывшие усики говорили о том, что она обижена и на Игоря, и на весь модернизм. У дома он затормозил, предупредительно открыл двери и выпустил жену и сына из машины.

– Я приеду поздно, пришел наш корабль в Тилбури, у меня там масса дел.

У советского морского представителя в порту Тилбури действительно имелся небольшой офис, приходилось постоянно метаться между портом и столицей, что отнимало немало времени.

– Господи, даже в субботу работа! – проворчала Ирина. – Как мне все это надоело!

– Я могу попроситься домой в Москву, – заметил Игорь, зная, как раздражают супругу даже намеки на скорое возвращение домой. Любящий муж и отец подарил супруге и сыну пару легких поцелуев и умчался по неотложным делам...

По субботам Джордж Листер, как правило, встречался со своей любовницей Барбарой, двух интенсивных часов в постели ему вполне хватало, чтобы зарядиться на всю неделю, чего нельзя сказать о его партнерше.

Счастливые минуты Джорджа уже истекли, и он, натянув штаны, с удовольствием прихлебнул из стаканчика со скотчем, прикидывая, что еще успеет сыграть партию-другую в бридж.

– Уже уходишь? – без особой обиды спросила Барбара, давно смирившаяся со спринтерскими качествами Джорджа. Кроме того, впереди маячило еще одно многообещающее свидание с негибким стайером.

– Много дел, – сказал Джордж озабоченно, словно на Лондон в субботний вечер навалились все шпионы мира и лично ему выпала честь в этот тяжкий момент оградить граждан от несчастий.

– Не забудь передать привет жене! – съязвила Барбара, хорошо изучившая все трюки Джорджа.

– Обязательно! Ей будет очень приятно услышать доброе слово от старой подруги! – он не остался в долгу, тем более что не грешил против истины.

На этой веселой ноте они и расстались, нежно расцеловавшись. Джордж молодецки сбежал вниз по лестнице и через черный ход вышел в небольшой садик (как опытный конспиратор он старался не пользоваться главным подъездом, зачем зря светиться перед соседями?), где прогуливалась лишь пара с детской коляской.

Мельком взглянув на супругов, Джордж нарочито деловым шагом проследовал дальше, но вдруг остановился: лицо мужчины показалось ему чрезвычайно знакомым.

Приводя вроде бы в порядок развязавшийся шнурок на ботинке (излюбленный, хотя и избитый прием филеров), он пристальнее изучил мужчину. Пара двигалась мирно, говорила по-английски, спутница мужчины сверкала яркой рыжиной, а мужчина – в этом не было никакого сомнения – являл собою Игоря Воробьева, которого Джордж прекрасно знал по досье и фотографиям в профиль и анфас.

Нечего и говорить, что прогулка русского с таинственной мамой, не проходившей по досье в качестве супруги, являлась сама по себе происшествием чрезвычайным, и сердце Джорджа бешено забилося, словно он родился не хладнокровным англичанином, а каким-нибудь воспаленным макаронником. Ноги загорелись и автоматически понесли его в штаб-квартиру контрразведки, где, естественно, на уик-энд никого, кроме дежурного, не осталось.

Шеф русского отдела Дженкинс наконец вырвался в суровом одиночестве (жена болела и лечилась во Франции) в Корнуолл к своему старому другу, жившему в добротном имении на высокой горе, пропастью обрывавшейся в серое море.

После завтрака друзья съездили на джипе в живописную деревушку близ Панзанса, где когда-то, во время первой мировой, мучился Лоуренс, но не прославленный полковник, а плодовитый писатель и творец ранее порнографической, а ныне вполне банальной книги «Любовник леди Чаттерлей». Писатель был женат на немке Фриде, которую все вокруг считали немецкой шпионкой и каждый раз, когда она развешивала сушить белье, доносили в полицию, что это условный сигнал для немцев.

Овдовевший дружок давно отдыхал на пенсии, а заодно и издавал маленький журнальчик по садоводству, имевший такой успех, что ему постоянно писали и даже лично визитировали поклонницы, жаждавшие поделиться впечатлениями. Одна из них, наиболее преданная делу садоводства, в этот раз осталась на уик-энд и приготовила великолепный ужин, состоявший из овощного супа министроне и потрясающе зажаренного кролика, которого ели и под красное бургундское («Nuits St.George»), и под белое («Puilly fume»), потом перешли в маленькую гостиную, откинулись в креслах, отведали торта и кофе и засели за карты, изредка поглядывая на включенный телевизор.

За этим благородным занятием и застал Питера телефонный звонок Джорджа Листера.

– Чрезвычайное происшествие, шеф, – отрывисто говорил Джордж, боясь проронить лишнее слово.

– Требуется мое немедленное возвращение?

– Не знаю, шеф, я не могу объяснить по телефону...

– Ни в коем случае! – предупредил не менее конспиративный Питер. – Намекните в общей форме...

– Это касается интересующего нас человека... неожиданно появились новые, совершенно сенсационные данные... он относится к породе медведей... конечно, дело терпит...

– Я вас понял, – ответил Дженкинс. – Белых медведей?

– Нет, черных, – пояснил Джордж.

Белые медведи на контрразведывательном сленге означали страны Восточной Европы, черные, естественно, были злобные Советы, точившие клыки на Соединенное королевство.

– В таком случае я немедленно вылетаю.

Игру пришлось прервать, но Дженкинс не жалел об этом: душа его испытывала дискомфорт без острых заварушек, – недаром он начал свою карьеру в СОЕ, диверсионном подразделении, забрасывавшем своих людей в тыл к немцам.

Джордж встретил шефа прямо в аэропорту Хитроу на своей машине, к счастью, дорога была без «пробок», хотя навстречу тянулась вереница автомобилей с лондонцами, жаждавшими вдохнуть кислород за городом.

– Я что-то позабыл, кто такой этот Игорь Воробьев, но уверен, что мы его не разрабатывали... – память у Дженкинса была феноменальной, и он часто поражал своих подчиненных такими тонкостями, как зарплата завхоза советского торгпредства, число автомобилей в агентстве ТАСС или семейная генеалогия какого-нибудь третьестепенного сотрудника КГБ.

– Вы совершенно правы, – Джордж чувствовал себя несколько неловко, вытянув шефа с заслуженного отдыха, – мы с самого начала не проявляли к нему никакого интереса. Он работает в советском представительстве Морфлота, занимается кораблями, и даже КГБ его не использует, считая инертным и малоспособным.

– Откуда вы знаете последнее? – поднял брови шеф.

– Данные прослушивания квартир. Снисходительные и даже уничижительные отзывы о нем кагэбистов. Жена заместителя резидента сказала своей подружке, что Воробьев ни рыба ни мясо, при этом сослалась на своего мужа.

На базе прослушивания квартир новый Лев Толстой смог бы создать великое драматическое произведение, в котором бурлили бы и ненависть, и любовь, и жажда подложить свинью. Особенно много пищи давали английской спецслужбе семейные скандалы, когда стороны забывали о сдержанности и бдительности и прямо резали правду-матку, вплоть до возмущения жен задержками со званиями их мужей, недостаточными зарплатами и зависти к дворнику, который на самом деле полковник КГБ.

– Что еще мы знаем о нем? – продолжал допрос Дженкинс.

– Он тут шесть лет, жена у него... помните армянку, выступавшую на партсобрании? Все хохотали. Так это она и есть!

– И это все сведения? Положение в семье?

– Мы его не разрабатывали. Вы сами не раз говорили, что глупо разбрасывать силы на всех... надо работать приоритетно... – оправдывался Джордж.

– Вы всегда находите хорошую причину для своей бездеятельности. – шеф был явно не в духе после срочного вылета из Корнуолла. – Запомните, Джордж, что для нас не существует людей, не представляющих интерес. Даже из уборщицы можно сделать первоклассного агента, конечно, если она убирает кабинет советского посла. Даже бульдог резидента КГБ может сослужить хорошую службу, если зашить ему под шкуру чувствительные датчики... – тут шеф почувствовал, что хватил лишку и явно преувеличил возможности бульдога, при этом он вспомнил о собственном бульдоге, которому тоже враги могут залезть под шкуру, и ему стало жалко пса.

– Так кто же его спутница? – шеф помягчел. – Может, это просто случайность?

– Сомневаюсь. У них был вид близких людей.

– Интересно, как вы это определяете? – хмыкнул Дженкинс. – По улыбкам, по стилю беседы, по телодвижениям во время прогулки?

– Фамилию и прочие данные я еще не установил, но она явно англичанка... – уклонился от прямого ответа Джордж.

– Где она живет?

– Бакстоун-гарденс.

– А как вы оказались в том районе?

Потребовалось усилие воли, чтобы сохранить почтительно-деловую маску на лице и устоять перед пронизывающим взглядом опытного волка.

– Был у приятеля... – Джордж погладил лысину, внутренне съежился, и ему вдруг стало жаль самого себя: чего, собственно, он боится? Всему отделу известно, что с женой он живет нелегко и собирается разводиться. Только идиоты вытаскивают начальство с отдыха, это общеизвестно. Хотя... с другой стороны, он проявил рвение, это зачтется, не сейчас – так позже.

– Надеюсь, к понедельнику вы соберете более полную информацию, у вас впереди целое воскресенье! – Дженкинс осклабился, а Джордж сделал вид, что нет большего удовольствия, чем тратить воскресенье на дела оперативные.

В это время в доме на Бакстоун-гарденс, что почти рядом с метро «Эрлс-корт», царила сама патриархальность: Игорь Воробьев мирно ужинал вместе с Джейн, попивая дешевое итальянское вино и бросая нежные взоры на кроватку с дитем. Рыжеволосая, гибкая, с миниатюрной фигуркой мама изредка подходила к нему и любовно поправляла то одеяльце, то подушку, незаконный отец чувствовал себя легко и раскованно, он тоже иногда любовно целовал мальчика в головку. Допив вино, Игорь встал во весь свой высоченный рост, потянулся, повалился на тахту и, сбросив тапочки, положил на стул длинные ноги в тонких шерстяных носках.

– Ты не забыл, что через неделю ему будет год? – спросила Джейн.

– Разве я могу это забыть? – он взял в руки ее ладонь и ласково прикоснулся к ней губами. – Мы это обязательно отпразднуем.

Он посмотрел на часы и заморгал глазами, уходить ему не хотелось ни сегодня, ни несколько дней назад, никогда.

– Уже почти полночь, мне пора... – звучало как мольба.

– Так не хочется тебя отпускать... – она обняла его и увела в соседнюю комнату, тайно надеясь, что он останется ночевать: победа над той, другой, которая напрасно ждет и, возможно, никогда не дождется.

Но Воробьев не в силах был разрубить гордиев узел, хотя жена последние годы вызывала у него только отвращение.

– Подожди, скоро все образуется... – он прильнул к Джейн на прощание, помахал рукой спящему младенцу и вышел...

Тонкий захлебывающийся визг будильника разбудил Джорджа ровно в семь, обычно он минут пять медленно выходил из сна, но сейчас, словно по тревоге, сразу же начал одеваться.

– Господи, даже в воскресенье нет покоя! – простонала жена, набрасывая себе на голову одеяло, но Джордж уже бодренько варил себе кофе на кухне, посвистывая в угреватый нос. Выхлебал залпом, посмотрел на себя в зеркало, пригладил лысину и остался доволен: здоровый цвет лица, мускулистые плечи, живот, правда, подкачал, но оперативной работе это не мешает. На машине быстро добрался до Бакстоун-гарденс и, словно впервые, с любопытством осмотрел пятиэтажный кирпичный дом с четырьмя подъездами.

Подошел к первому подъезду и наугад нажал кнопку.

– Кто это, черт побери, трезвонит в такую рань? – прохрипел чей-то бас.

Он отскочил к другому подъезду, снова нажал на кнопку.

– Хэллоу! – раздался перепуганный женский голос.

– Извините, где живет консьержка этого дома?

– Нажмите на пятнадцатую квартиру, это мистер Хопкинс.

Мистер Хопкинс отозвался безрадостным скрипучим голосом.

– Извините, мистер Хопкинс, меня зовут Джордж Смит, у меня к вам дело, я хотел бы снять в этом доме квартиру...

Дверь зажужжала, и вскоре Джордж предстал перед неприятным толстяком с отвислыми губами и вытянутым склеротическим носом, которым он словно обнюхивал пришельца со всех сторон.

– У нас только двухкомнатные меблированные квартиры... – начал Хопкинс без всяких предисловий. – Это вас устраивает?

– Не совсем, – ответил Джордж. – А можно без мебели?

– В этом случае вам стоит переговорить лично с хозяином.

– Хорошо. У меня есть еще один вопрос, – Джордж немного помялся, – тут у вас в доме есть пара, у них ребенок, у нее рыжие волосы. Как ее фамилия и в каком подъезде...

– А зачем вам это нужно? – перебил его толстяк.

– Видите ли... – Джордж порылся в карманах и протянул документ. – Я из Скотленд-Ярда...

– Ах, вот в чем дело! – яростно отреагировал Хопкинс. – И фамилию придумал хорошую – Смит! Я сразу догадался, что вы шпик, и какого черта вы беспокоите честных людей в воскресенье?! Да еще придумываете идиотский предлог! Да я видеть вас не желаю, не то что отвечать на ваши шпионские вопросы!

Словно ошпаренный, Джордж вылетел на улицу и задумался. Обычно к просьбам Скотленд-Ярда законопослушные англичане относились с пониманием, а тут он нарвался на явно обиженного и с характером. Впрочем, работа по выяснению адресов – самая трудоемкая, обычно ею занимаются филеры, имеющие своих людей среди сторожей, дворников и консьержей. После некоторых колебаний он подошел к подъезду, где жила Барбара, нажал на кнопку и молвил еле слышимым голосом:

– Доброе утро, Ба! Я случайно оказался в твоём районе и хотел тебя навестить.

Нельзя сказать, чтобы Джордж позвонил в самый подходящий момент: обнаженная Барбара в это время трепыхалась в страстных объятиях молодого индуса, давным-давно овладевшего заветами из «Камасутры». Звонок домофона разладил сыгравшийся оркестр, пришлось вскочить и, чертыхаясь, побежать к двери.

– Извини, но я принимаю ванну и сразу же уезжаю...

Барбара не скрывала раздражения, тут же повесила трубку и помчалась обратно в пылающее ложе, где сверкал белками сухой, как выжженная пустыня, жилистый индус.

Разочарованный Джордж глубоко вздохнул, сел в машину и полетел по пустынным воскресным улицам прямо на службу, где было пусто, лишь одинокий дежурный, окруженный бумагами и телефонами, мечтательно смотрел в окно на голубое, созданное для уик-энда небо.

– Послушай, Харри, мне нужно срочно сделать установку по месту жительства.

– Ты что? Спятил? Сегодня работает лишь одна бригада слежки, да и то их уже закрепили за советским военным атташе – он любит проводить операции по воскресеньям.

– Это очень важно. Указание самого шефа.

На дежурного эти слова не произвели никакого впечатления. Воскресенье в Англии – это святое, пусть даже небо обрушится на землю, но преданный королеве сотрудник спецслужб вряд ли шевельнет пальцем, если он уже напялил старый свитер и удерживает дога, рвущегося на прогулку, или просматривает за кофе необъятную, похожую на целую подшивку газет «Санди таймс».

– Как будто ты с неба свалился! Все ребята отдыхают, к тому же сегодня «Челси» играет с «Манчестер Юнайтед», можешь себе представить, что произойдет, если я вызову кого-нибудь на работу? – дежурный разводил руками и улыбался, мысленно посылая чрезмерно усердного Джорджа подальше.

Пройдя в свой кабинет, Джордж отыскал досье на Воробьева, увы, но оно содержало лишь его анкету, заполненную для получения визы, фотографии и краткую справку о его местоположении в Лондоне.

Ситуация выглядела безвыходной, и пришлось снова потревожить Барбару.

– Ты еще дома? Извини, что я тебя потревожил. Нестерпимо хотелось тебя увидеть, – говорил он таким вкрадчивым и фальшивым голосом, что самому сделалось противно.

– Так приезжай. У меня изменились планы, я буду дома.

Барбару уже покинул темпераментный индус (не последнюю роль в этом сыграл гудок домофона, разрушивший мир Камасутры именно тогда, когда счастье было так близко), теперь она скучала и грустно курила, размышляя о тотальной слабости мужского рода вне зависимости от расовых особенностей.

– Постараюсь. Послушай, Ба, там у тебя во дворе бродит какая-то рыжая с ребенком. Кто это? – он даже закашлялся, чтобы показать свою незаинтересованность.

– Неужели она тебе понравилась? Это Джейн, довольно наглая девка, ее сыну почти год. Раньше работала на какой-то фирме.

– А как ее фамилия?

– Никогда не интересовалась. Она шотландка и очень гордится этим.

– А муж у нее кто?

– Вот почему ты мне звонишь! Это тебе нужно для работы, а я-то думала... Все вы такие в МИ-5! – взорвалась Ба.

Последнее было ударом ниже пояса: вряд ли в мире существует контрразведка, которая так глубоко залегла на дно, как МИ-5, никто толком не знает, где она находится и кто там работает, – все рыцари плаща и кинжала функционируют под другими вывесками.

– При чем тут МИ-5? Я ведь работаю в казначействе, ты это прекрасно знаешь! – слабо вякнул Джордж.

– Ха-ха. Спроси у моей лучшей подруги и твоей жены! – не щадила его Барбара. – Как она себя чувствует? Ты успел с ней переспать рано утром перед тем, как она приготовила тебе овсянку? Или по воскресеньям она дрыхнет целый день?

Джордж замолчал, ему стало чуть тошно от прямых атак на собственную половину – вот она, расплата за адюльтер с подругой жены, вечная история, и завидуешь друзьям, снимающим запросто девочек на стороне.

– Так ты приедешь? – милостиво прервала она паузу.

– Я на работе, но постараюсь, сделаю все, что смогу. Целую тебя, милая...

Джордж облегченно повесил трубку, конечно, сведений получил он с гулькин нос, но вполне достаточно, чтобы разматывать клубок дальше, – во всяком случае, утром уже не придется стоять на ковре перед шефом со спущенными штанами.

Несчастье Игоря Воробьева заключалось не только в том, что он был влюбчив (особенно везло ему на лахудр, от которых все шарахались, на этом фоне рыженькая Джейн высилась как Мэрилин Монро), в конце концов, это не самый страшный порок. Беда была в фантастической нерешительности Игоря, органической неспособности сделать определенный шаг в ту или иную сторону, при этом, к несчастью, выглядел он, как герой Джека Лондона: рост высокий, подбородок по-боксерски вперед, лицо твердое и мужественное, движения уверенные – такому человеку хотелось довериться на всю жизнь. Сослуживцы хорошо знали слабости Игоря и никогда не доверяли ему самостоятельно вести какие-либо переговоры с иностранными фирмами – в этом случае финал не предвиделся, решения Игорь принять не мог и вечно, как буриданов осел, выбирал между двумя охапками сена.

Роман с Джейн завертелся неожиданно-негаданно на приеме в английской судостроительной фирме, устроенном в честь построенного СССР торгового судна, о борт последнего супруга торгпреда традиционно расколотила бутылку шампанского, привязанную к толстому канату. На последующем банкете все изрядно возлизи, там Игорь и познакомился с Джейн, служившей на фирме секретаршей, приобщил ее к водке и научил пить залпом, на русский манер (это тут же ввело шотландку в сладостный транс). Затем они отправились в ночной клуб на Пикадилли, смотрели бессмысленное и шумное шоу, выпили виски, танцевали и целовались, а позже как-то само собой получилось, что Игорь очутился в постели Джейн у нее на квартире.

Любовники продолжали встречаться, и вскоре Джейн порадовала влюбленного по уши русского неожиданной (или вполне ожидаемой) беременностью и полным нежеланием делать аборт, что противоречило ее католической вере. От шока Игорь чуть не слетел со стула, но подавил в себе заячье желание бежать от Джейн на край света и даже разыграл роль заботливого отца, делано радуясь и покрывая ее поцелуями, – получилось это глупо и неуклюже.

Джейн была истинно свобододлюбивой шотландкой, навязывать себя не собиралась, несмотря на любовь к Игорю, и не сомневалась в своем счастливом будущем даже в качестве матери-одиночки, тем более что она закончила лондонскую школу экономики (место секретаря было лишь временным транзитом в большой бизнес, о котором она мечтала). Все это умиляло Игоря, завязанного англофила, читавшего в оригинале неведомого в России Троллопа и глубоко почитавшего такого же загадочного субъекта, алкаша, женолюба и остроумца доктора Самуэля Джонсона, воспетого Босвеллом. Игорь восторгался английскими пабами, скачками в Дерби и Аскоте, полосатыми костюмами, собачьими бегами, твидом «Харрис» и тонкими фланелевыми брюками, увы, протиравшимися слишком быстро, но все равно прекрасными.

Первых сведений, полученных от Барбары, вполне хватило для начала самой активной разработки загадочной пары, уже через два дня телефонный аппарат на квартире Джейн приобрел все качества «жучка», и на следующий день, с приходом на квартиру Игоря, это дало богатый, чуть сентиментальный материал, который вызывал улыбки и неподдельный интерес у девиц контрразведки, обрабатывавших подслушку.

– Мне кажется, в другой жизни я был англичанином, – говорил он Джейн. – Я смутно ощущаю, что жил когда-то на этом острове и даже носил рыцарские доспехи.

– Возможно, ты даже убил меня...

– Как так? – удивился он.

– А вдруг я была Марией Стюарт, а ты – ее палачом?

Это прекрасно – играть в историю, это прекрасно, как детство: можно побывать и в образе Ромео, и Отелло, и Юлием Цезарем, да и у женщин хватает блестящего прошлого – от Евы до Марии-Антуанетты.

Потом они пили шерри, и он читал Роберта Бернса на своем великолепном английском:

Расстаться нам велит судьба,
Не видно перемен.
Но буду я любить всегда
Свою малютку Джейн!

И снова ночное расставание, фальшь и омерзительное чувство вины.

Она молчала, но подтекст читался в ее потемневших глазах.

– Я не знаю, что делать, Джейн, ты должна меня понять, ты же умная. Не могу я так сразу бросить и жену, и двоих детей...

– Почему ты поднял эту тему? Можно подумать, что я жажду за тебя замуж!

– Но все-таки у нас Игорь! – сына назвали в честь папы.

– Это мой сын, и мы с тобой свободные люди.

– Но я люблю тебя! – туповато настаивал он. – Я не могу без тебя! – И он бросился целовать ее.

Пожалуй, больше всего она любила в нем эту порывистую иррациональность, когда с губ срывались бессвязные слова, а сами губы, объединившись с руками, беспокойно и необузданно бродили по ее телу. Она любила сопротивляться его ласкам, поднимая его градус, и потом, когда уже пот градом струился у него по лбу, неожиданно уступать, вызывая в нем приступ новой страсти.

Девушки в службе подслушивания напряглись и заблестели глазами, словно смотрели грандиозный любовный фильм, правда, без изображения. Но на этот раз ничего пикантного не произошло, Джейн отстранила его и, холодно улыбаясь, открыла дверь.

– Джейн, милая, все будет хорошо, мы обязательно будем все вместе: ты, я и Игорь.

– Игорь, уходи, тебе пора! – ее раздражали долгие прощания, когда он топтался у двери, не в силах решить: остаться или уйти.

Когда он ушел, она долго не могла заснуть...

Оперативный Джордж зря время не терял и поставил на слуховой контроль и квартиру главного героя спектакля...

В тот вечер стены сотрясались от ссоры Ирины с сыном, принесшим много двоек в конце четверти, слушать же это было скучно, но, к счастью, после полуночи появился глава семейства, и начался новый акт, исполненный еще большего драматизма.

– Где ты был?! – это рассвирепевшая Ирина.

– Я же тебе говорил, что в Тилбури сейчас зашло много наших судов... что с тобою, Ирочка? – он попытался обнять ее, забыв, что взбешенных тигриц опасно трогать даже за хвост.

– Почти каждый день ты приезжаешь за полночь! Посмотри на свои губы! – она подтолкнула его к зеркалу. – От тебя пахнет... воняет чужой бабой!

Игорь слабо представлял разницу между запахами бабы своей и бабы чужой, тем более что он любил пользоваться хорошим, истинно немецким одеколоном, однако натиск его напугал.

– Ты с ума сошла! Клянусь, что я был на работе...

Не оправдывайся, не обращай внимания, нашептывал внутренний голос, преврати все в шутку, не реагируй, это только заводит.

– Врешь! – она уже вошла в истерику, и скомканный кустик усов под носом дергался, словно рвался в бой. – Врешь! – и в него полетел подсвечник с унылой желтой свечой, он просвистел мимо его уха и угодил прямо в китайскую вазу – она картинно взорвалась, осыпав осколками персидский ковер.

Непопадание в цель и гибель любимой вазы еще больше распалили Ирину, закатив глаза, она схватила большое (но недорогое) блюдо и с силой шмякнула им о пол.

– Ты предатель! – орала она. – Ты и в партийной жизни не участвуешь потому, что пресмыкаешься перед англичанами! Думаешь, если приоделся в полосатый костюм, то стал похож на джентльмена? Как был деревней, так и остался, вместе со своими забуревшими родителями...

– Ради бога, не трогай моих родителей...

– Однажды я плюну на все и расскажу на партбюро всю правду о тебе! И о твоих восторгах по поводу английской демократии, и о том, что ты читаешь Солженицына!

– Я же читаю его в английских газетах, у меня нет его книг. – он не на шутку перепугался. – Ирочка, успокойся, что ты говоришь?

– Уходи! – закричала она. – Я не могу жить с тобой под одной крышей!

И ушла в другую комнату, всхлипывая и путаясь в халате.

Девушки из службы подслушивания были в восторге.

Игорь капнул скотча в стакан с водой, но пить не стал, ночь подкатилась клубком к горлу, и он тихо, неумело заплакал, вздрагивая своим волевым подбородком...

На следующий день МИ-5 тоже не избежал бескровной драмы.

– Ну и дела! – говорил Питер Дженкинс, сжигая грозным взглядом Джорджа Листера, Джеймса Барри и Вивьена Колина, затаившихся, словно перепуганные хорьки, на своих стульях. – Что же это происходит?! Русский не просто живет с шотландкой, но и имеет от нее сына, причем названного в его честь Игорем, причем этот русский англофил и диссидент, а мы лишь хлопаем ушами и ничего об этом не знаем!

Дженкинс сделал паузу и сбросил свой серый, тонкой шерсти пиджак, остальные траурно молчали.

– Русских тут, как сельдей в бочке, если бы нам увеличили штаты... к тому же он не связан с КГБ... – слабо пикнул Джордж, разорвав тишину.

– Хватит оправданий! – заорал шеф и зачем-то снова надел пиджак. – Перед вашим носом сидит готовый агент, а мы об этом даже не подозреваем. И это при том, что у нас сейчас нет хорошей русской агентуры...

– А Климкин? – вмешался доселе молчавший Барри.

– Что Климкин? – возмутился шеф. – Думаете, если завербовали шофера советского посла, то уже решили все проблемы? Ваш Климкин, кстати, полная тупица, к тому же он даже не может толком уяснить, о чем посол беседует в машине, а что касается его информации о тех, с кем встречается посол, то мы это и так знаем от службы слежки. Я уверен, что Климкин – подстава КГБ!

И Дженкинс презрительно растянул губы в усмешке.

Все грустно смотрели куда-то вниз, на ножки начальственного стола, словно провинившиеся дети. Если уж Климкин подстава, то где же тогда честные люди?

По подставам англичане считали мастерами себя и только себя, и действительно, контрразведка ловко подсовывала резидентуре КГБ своих людей: одни вызывались шпионить добровольно, приходили в посольство и даже предлагали секретные документы, других служба засекала и завербовывала, и они верно служили, сообщая об интересах советской разведки.

– Что будем делать? – чуть успокоился шеф и сбросил пиджак.

– По-видимому, надо продолжить изучение этого типа... техника, которую мы недавно поставили у него дома, дает неплохие результаты... – осторожно заметил Джордж, боясь напороться на очередную мину.

– Тише едешь, дальше будешь? – язвительно отреагировал шеф. – И так еще несколько лет. А что, собственно, еще мы должны знать о нем? Разве всего того, что мы знаем, мало для его вербовки? Или вы полагаете, что он побежит в посольство и признается, что имеет на

стороне ребенка? Его надо немедленно вербовать! – и в подтверждение своих слов Дженкинс стукнул трубкой о стол, пепел фейерверком осыпался на драгоценные сверхсекретные бумаги.

Разговор закончился, прилежные контрразведчики встали и скромно покинули начальственный кабинет...

Ранним воскресным утром по аллеям Ричмонд-парка двигалась симпатичная пара: преисполненный достоинства седовласый джентльмен с сумкой, из которой торчали клюшки для гольфа, одет он был в клетчатый пиджак и никкербокеры, большую и, по-видимому, умную голову покрывала тоже клетчатая кепка. Джентльмен ласково посматривал на молодого человека, по-видимому сына, в пуловере и джинсах, и изредка указывал рукой на лауны, где уже неторопливо расхаживали игроки.

Впрочем, разговор между резидентом КГБ в Лондоне Олегом Тениным и Вивьеном Колином, завербованным КГБ еще три года назад в университете и успешно внедренным в МИ-5, выходил за рамки спортивной дискуссии, хотя со стороны выглядел именно таким образом.

– Очень интересная информация! – говорил Тенин, осматривая клюшку так внимательно, будто тотчас же собирался ухнуть ею по шару. – И что Дженкинс собирается делать с этим Воробьевым?

– Он намерен его вербовать, не откладывая дела в долгий ящик. Вы же знаете, что мой шеф не любит тянуть резину и весьма оперативен. – Вивьен относился к Дженкинсу с почтением, что не мешало ему по мере возможностей очищать отдел от секретов.

– Поэтому и попадает все время в задницу! – заметил Тенин мягко, и они весело посмотрели друг другу в глаза, любящий папаша и вечно благодарный ему сынок. – Не будем затягивать встречу, конспирация – прежде всего. Спасибо за документы.

Он широко улыбнулся самой широкой в мире русской улыбкой, а Вивьен отошел в сторону, чуть-чуть, осторожно шевельнув пальцами в прощальном приветствии.

Прибыв в посольство, взбудораженный Тенин походил по кабинету, проигрывая все самые гениальные решения, но окончательного не нашел и вызвал к себе офицера безопасности Червоненко, перешедшего на оперативную работу из хозяйственного управления КГБ благодаря своим родственным связям.

Чернобровый, кудрявый красавец уже через минуту влетел в кабинет резидента и застыл во всей своей красе, интуитивно предчувствуя бурю.

– Садитесь! – резко сказал Тенин, словно приглашал присесть на электрический стул.

– Спасибо, я постою, – мягко ответил хитрый Червоненко, уже не раз опробовавший этот гениальный прием на начальстве: разве не вызывает жалости беззащитный, стоящий навзрыд человек? разве, глядя на него, можно сказать грубое слово?

– Что вы думаете о Воробьеве? – начал Тенин без всяких вступлений.

– Как вам сказать... – Червоненко стал крутить, выигрывая время, дабы уловить отношение шефа к затронутой личности. – Человек он непростой... сразу его понять трудно, с одной стороны, вроде бы...

– Что вы телитесь, как корова?

Дальше последовал хороший залп трехэтажного мата, Червоненко даже слегка покачнулся и вспомнил, как неделю назад после мощного разноса он помогал вытаскивать из этого кабинета заместителя резидента, у которого случился сердечный припадок.

– Что конкретно?! – рокотал Тенин, потрепывая седоватый бобрик.

– Работает он хорошо, никаких компроматов на него не поступало, ведет общественную работу. – от волнения стройный красавец начал заикаться.

– Ситуация в семье?

– Дружная советская семья, жена, как вам известно, председатель женсовета и член партбюро, у них двое детей...

Червоненко попытался еще поднабрать немного деталей из жизни Воробьева, но вспомнить ничего не смог, наоборот, в голову навязчиво ломилась Дуся Сидельникова, машинистка посольства, которую он недавно случайно засек в пабе с неизвестным типом. Дуся потом утверждала, что всего лишь пила кока-колу, а тип сам заговорил и даже предложил выпить. Ну а если это легенда и Дуся – английский агент? Что бы еще припомнить о Воробьеве, черт побери? – тужился он. Но Дуся влезла опять со своими проблемами, офицер безопасности даже покраснел, словно она сидела обнаженная у него на плече, не стыдясь резидента.

– А что вы скажете, – словно выстрелил в упор резидент, – если узнаете, что он трахает англичанку и имеет от нее ребенка?

– Девочку? – неожиданно для самого себя спросил офицер безопасности и от нахлынувшей слабости опустил на стул.

– Козла! – заорал Тенин. – Значит, так: вызовите его в посольство, допросите и посадите в подвал под хорошей охраной.

– А что потом? – сумел выдавить из себя Червоненко, в мгновение ока превратившийся из чернوبرового красавца в трясущееся желе.

– Дальше вывезем его на самолете в Москву! – резидент смотрел на офицера безопасности с нескрываемым презрением, он терпеть не мог слабаков в славных органах. – А теперь идите! Только придержите штаны.

– Зачем? – не понял Червоненко.

– Чтобы не капало на пол, – хмуро улыбнулся шеф, и Червоненко вышел, думая о том, что он обязательно соберет самые страшные компроматы на Олега Тенина, его давно волновала предрасположенность резидента к дорогим ресторанам, где он порою встречался с высокопоставленными англичанами. Правда, это не составляло секрета: Тенин любил обсуждать с подчиненными кушанья и марки вин, а возвратившись после хорошего ланча, закуривал сигару и надолго забирался в сортир, единственный в резидентуре сигарный запах быстро распространялся по резидентурскому помещению, наиболее смелые сотрудники перемигивались, а некоторым приходилось спускаться по нужде этажом ниже. Барство! И почему он ездит с шофером, утверждая, что сам плохо водит машину?

Червоненко на высокой скорости пролетел в свой кабинет и, отдышавшись, крепко задумался над операцией по заманиванию Воробьева в посольство...

Предвкушая предстоящее счастье, Игорь ехал на randevу к Джейн, запасшись огромным игрушечным медвежонком для сына и изящным букетом хризантем для мамы. «Отцвели уж давно хризантемы в саду, а любовь все горит в моем сердце больном...» – мурлыкал он под нос. Настроен он был радостно и беспечно, погода разгулялась, солнце слепило глаза, водители с особой учтивостью уступали друг другу дорогу и тормозили перед «зебрами», улыбаясь переходящим дамам и поощрительно помахивая им.

Ему и в голову не приходило, что в этот солнечный день над ним сгустились грозовые тучи: сзади, впереди и даже в боковых параллельных улицах следовало несколько машин слежки, ведущих закодированные переговоры по радио и контролировавших каждое движение объекта.

Машины поддерживали связь и с оперативной группой во главе с Джорджем Листером (в ней были и Барри, и Колин), обложившей Бакстоун-гарденс со всех сторон, все участники ответственной операции были переодеты в униформу контролеров, неуклонно налагавших дикие штрафы за неправильную парковку или превышение времени по счетчику.

Джордж чуть раньше въехал во двор дома, дабы подготовиться к прыжку. Тут, как назло, из своего подъезда выпорхнула разодетая Барбара, наметанный глаз которой тут же приметил Джорджа Листера в дурацкой униформе. Она содрогнулась от хохота и игриво помахала ему ручкой, но он сделал вид, что не заметил своей возлюбленной, и отвернулся к коллегам. Барбара ушла прочь с твердым решением никогда не видеть трусливого контрразведчика.

Воробьев благополучно въехал во двор дома своей возлюбленной, аккуратно запарковал «Волгу», взял в обе руки подарки и направился к подъезду. Тут к нему и подкатились.

Солировал Джордж, стараясь выглядеть добродушнее и раскованней, чем он был на самом деле, это, однако, придавало всей сцене оттенок макбетовской зловещности.

– Добрый день, господин Воробьев! Чудесная погодка, правда? К сожалению, вы запарковали машину в запрещенном месте... не могли бы вы пройти в мою машину, где я выпишу вам квитанцию за штраф...

– Откуда вы знаете мою фамилию? – перепугался Игорь (Джордж и впрямь дал промашку, откуда транспортному контролеру известна фамилия нарушителя?).

– Вы часто оставляете тут машину, и мы были вынуждены навести справки... – соврал он.

– Кто вы такие? – уже в ужасе спросил Игорь, глядя на сумрачные фигуры, словно вырвавшиеся из самых душераздирающих шпионских триллеров.

– Разве вы не видите, что мы – контролеры? – непринужденно ответил Джордж, улыбаясь во весь рот и этим еще больше пугая Игоря. – Не волнуйтесь, все это займет не больше минуты. – Джордж ласково взял Игоря под руку, прижал к толстому животу и легко повел к машине.

Воробьев, еще не осознавший происходящего, покорно проследовал за ним на заднее сиденье, где уже сидел, как было задумано по сценарию, Вивьен Колин. Оказавшись сдавленным им и подсевшим с другого бока Джорджем, Игорь от страха лишился дара речи. Машина двинулась, и это окончательно доконало Игоря, тем более что он увидел кортеж с остальными контролерами.

Джордж приблизил свой лик к Воробьеву, что, по его мнению, должно было усилить эффект беседы, и деловито начал, не замечая полуобморочного состояния своего соседа.

– Господин Воробьев, я не буду тянуть время и сразу приступлю к делу. – машина уже выползла из Бакстоун-гарденс и резво летела по Кромвел-роуд. – все очень просто: мы знаем все о Джейн, о вас и о вашем маленьком Игоре.

И тут произошло нечто из ряда вон выходящее: Игорь, неожиданно обнаружив в себе львиную энергию, попытался вырваться из кольца, навалился на хрупкого Вивьена Колина и нажал на ручку двери, – в результате англичанин на полном ходу вывалился из машины прямо на дорогу. Перепуганный водитель запоздало затормозил, и опять не вовремя: Игорь выскочил из автомобиля и во всю прыть помчался по Кромвел-роуд, не обращая внимания на гудевшие машины.

Пораженный Джордж приказал было водителю следовать за ним, но последний указал пальцем на распростертого Колина, вокруг которого уже собирались люди, и машине пришлось вернуться к товарищу, выполняя святой ритуал подбора раненых на поле брани. Колин отделился ушибами, однако все же вывихнул ногу. Он слабо постанывал и поливал убежавшего русского и мерзкую страну, его породившую, самыми последними словами (если бы эти выражения услышал Тенин, он тут же усомнился бы в преданности агента Советам). Колина погрузили в машину, дав указание остальной бригаде проконтролировать Воробьева у дома, куда он наверняка направит стопы.

Игорь появился в таком расхристанном виде, что Ирина залопотала, как наседка над цыплятами, забыла обо всех своих претензиях, помогла ему раздеться, покрывая утешительными поцелуями (он давился от слез и никак не мог прийти в себя), отвела в ванную и нежно вымыла под душем с помощью губки. Все эти трогательные манипуляции создали атмосферу любви и неожиданно для обоих переросли в ванный секс. Впрочем, в свете форс-мажорных обстоятельств провокации все это было объяснимо.

Именно в этот феерический момент в гостиной затрезвонил телефон, и твердый мужской голос сказал подлетевшей хозяйке дома:

– Ирина Ашотовна, это дежурный по посольству Архипов. Можно к телефону вашего мужа?

– Он в ванной, – не погрешила против истины Ирина.

– Тут приехала делегация из Москвы, в которой есть сослуживцы Игоря Львовича, посол через час дает в их честь ужин и очень просит вашего мужа на нем присутствовать. Обязательно!

Личное приглашение посла вызвало суматоху в семье – такого не бывало ни разу, – и Ирина тут же объяснила внезапное расположение отца колонии своим недавним выступлением на партсобрании, когда она тонко обозначила в своей речи мудрость руководства посольства.

Игорь был извлечен из ванной, вытерт огромным полотенцем, на котором чернели контуры знаменитого Тауэра, усеянного свирепыми воронами, побрит электробритвой (он так ослабел, что руки его тряслись) и облит одеколоном «Олд спайс», потребляемым лишь в особо торжественных случаях.

– Пожалуйста, не надевай костюм в полоску, надень что-нибудь синее или черное. Посмотри на членов политбюро: там нет полосатых и все в шляпах. И надень темно-красный галстук – так будет патриотичнее и к тому же очень в тон! – умоляла Ирина, суетясь вокруг Игоря, как портной на примерке. – Возможно, тебе предложат повышение... я этого не исключаю...

Она еще раз с удовольствием оглядела его на прощание: вызов на ужин к самому послу восстановил силы Воробьева, и он выглядел, как принц накануне коронации, хотя на душе было тошно и перед глазами маячили странные люди в униформе.

Он бодро впрыгнул в автомобиль и на прощание махнул рукой.

Незадачливого Игоря Львовича взяли под белые руки прямо в фойе посольского здания, огрели для порядка по голове и отвели в подвальное помещение с кондиционером, но, естественно, без окон. Первый допрос по всем чекистским канонам проводил офицер безопасности, который для пущей важности (и по глупости) положил рядом с собой кобуру с игрушечным пистолетом, допрашивал он грубо, стараясь интонациями подражать резиденту, и делал это совершенно напрасно: Игорь тут же раскололся по всем пунктам, однако категорически отрицал сотрудничество с английской контрразведкой и гнусный замысел навсегда остаться в бывшей мастерской мира.

По приказу Червоненко Воробьева перевели в посольский гараж и допросили пожестче, посветив фарами в лицо, – офицер безопасности совсем недавно видел такой допрос в фильме о привидениях. Однако эта экзекуция не сломила грешника, и новых признаний он не сделал, несмотря на то, что Червоненко пригрозил ему страшными пытками. Ему и впрямь захотелось привязать эту сволочь к стулу и загнать ей под ногти пару иголок, однако он вспомнил, что сталинские методы давно осуждены партией, строившей самое человеческое в истории человечества общество, и даже застыдился своей жестокости.

Когда офицер безопасности, сияя, доложил об итогах своей плодотворной работы резиденту, последний не расплылся в поздравлениях и холодно заметил:

– Нам следует принять меры, иначе эти англичашки сядут нам на шею. Нельзя допустить, чтобы они безнаказанно вербовали наших граждан. Доложите все это делу послу, пусть он сообщит в Москву и предложит ответные меры.

Тенин, конечно, мог бы и сам согласовать этот вопрос с послом, более того, это было его прямой обязанностью, как шефа КГБ в Лондоне. Однако посла он на дух не выносил, считал интриганом и, возможно, иностранным агентом, копал под него и давно бы сшиб с должности, если бы посол не пользовался поддержкой помощника генерального секретаря, своего школьного кореша.

Посол отвечал резиденту взаимностью, но побаивался его, ибо еще в начале карьеры потерял секретный документ, был изгнан из МИДа и чуть не угодил в тюрьму. Так что ком-

проматов на него у КГБ было достаточно, и вообще посол исходил из того, что главная задача резидента – это следить за ним, за послом, более важных дел у КГБ быть не может.

Вскоре после бурных согласований с МИДом СССР, всегда носившимся с англо-советской дружбой как с писаной торбой, советский посол, очень важный и очень волосатый человек, с маленьким, круглым Лениным, привинченным к лацкану темного пиджака, торжественно проехал на своей «Чайке» от Кенсингтон Пэлэс-гарденс до Даунинг-стрит и поднялся к министру, своему давнему знакомцу, с которым счастливо приятельствовал еще тогда, когда тот был в оппозиции.

Именно по этой причине вся эта миссия не доставляла послу ничего, кроме огорчения и раздражения, и все из-за этого проклятого КГБ! на хрена вообще нужна разведка, если он, посол, прекрасно информирует правительство? А в посольстве сидят эти шибздики и мутят воду, портя отношения с Англией, выстроенные им, послом, с таким трудом!

Но приказ МИДа требовал строгого выполнения, посол напустил на себя побольше строгости, торжественности и невыносимой печали и в таком облике вплыл в приемную и предстал пред удивленными очами своего друга.

Пораженный министр попытался сломить лед, предложив гостеприимно стаканчик виски, однако посол даже не одарил его улыбкой, деловито достал из папки бумагу и холодно зачитал меморандум о провокации контрразведки против советского гражданина. Министр слушал молча, перебирая четки желтоватыми от курения пальцами, никак не обнаруживая своей реакции, но в конце заметил:

– Мы, конечно, тщательно разберемся с этим делом и дадим вам официальный ответ, однако я уже сразу могу сказать, что в Соединенном Королевстве не существует контрразведки.

Посол чертыхнулся про себя: опять этот КГБ наломал дров! ведь это именно они составляли текст меморандума в Москве! как это он не обратил внимания на этот нюанс? ведь он не раз читал в английской прессе о том, что и разведка, и контрразведка формально нигде не обозначены.

А несуществующая контрразведка и весь ее русский отдел стояли тем временем на ушах. Перед Питером Дженкинсом сидели Джордж Листер и Джеймс Барри, всех джентльменов отличал здоровый красный цвет лица, трубка в зубах Питера превратилась в огнедышащий паровоз, хотя он старался сдерживать себя и не показывать гнев, зная, что в минуты кризиса всегда полезно демонстрировать хладнокровие.

– Очень печально, джентльмены, – говорил Дженкинс, – как же все это произошло?

– Мы совершенно не ожидали, что он окажется таким сильным. Он выбросил из машины Вивьена, тот сломал два ребра и сейчас лежит в больнице...

В это время зазвонил телефон, соединявший Дженкинса с самым главным шефом.

– Вы один, Питер?

– Да, сэр. – Дженкинс многозначительно посмотрел на своих подчиненных, давая понять, как безгранично он им доверяет.

– Что вы там сделали с каким-то моряком? Мне только что звонил министр иностранных дел, русские пришли к нему с нотой протеста.

– Не понимаю, – отвечал находчивый Дженкинс. – Мы действительно имели с ним деловой контакт под хорошей легендой. Но после этого молодчики из КГБ нагло заманили его в посольство и посадили в каталажку. Мы об этом узнали благодаря подслушиванию. Сейчас я расследую все это дело.

– Я не хочу вдаваться в детали, Питер, – сказал шеф, хорошо знавший умение Дженкинса преподносить события в выгодном для себя свете, – однако я предпочитаю, чтобы ноты протеста исходили от нас. Пока.

И шеф безмолвно положил трубку.

Дженкинс пожевал губами, переживая удар. Оплеуху он получил звонкую, и вообще весь оборот, который приняло дело Воробьева, явился для него совершенно неожиданным. Ведь все на первый взгляд выглядело просто и не сулило никаких неприятностей, впрочем, в жизни всегда так и никогда не знаешь, с какой крыши свалится на голову кирпич.

– Они попытаются вывезти его в Москву, – нарушил паузу Джордж, потирая лысину.

– Этого мы не можем допустить! – твердо сказал Дженкинс. – Конечно, мы не имеем права нарушить экстерриториальность посольства, но уже за воротами хозяева – мы, а не эти сукины дети!

– Они сделают это тайно, – вмешался Барри.

– Надо усилить контроль и за посольством, и в Хитроу, следить за их каждым шагом и все проверять. Даже дипломатический багаж! Кстати, как вы думаете, что явилось причиной столь скоропалительных действий русских? Откуда они могли узнать, что мы планируем вербовку Воробьева?

– Я тоже об этом думал, – сказал Джордж. – Но, к сожалению, наши «жучки» не стоят там, где его допрашивают. Мне кажется, они давно засекли его встречи с Джейн и то, что его арестовали в день контакта с нами, – просто печальное совпадение.

– Дай бог, если об этом не стукнул «крот» в наших рядах, – хмуро отозвался Дженкинс и поежился, представив гнусного «крота».

– А после допроса он все им выложил и, конечно, сгустил краски, представив все как провокацию. Впрочем, я готов сесть на «детектор лжи», вдруг «крот» – это я! – Джордж решил разрядить атмосферу.

– Я ценю ваше чувство юмора, – заметил Дженкинс, – но дело слишком серьезно для шуток! – и он улыбнулся, дав понять, что сам еще не потерял чувства юмора.

Пока МИ-5 мучилась со своими проблемами, седовласый резидент Тенин принимал Червоненко в кабинете с проложенными сталью стенами, отражавшими любые коварные лучи.

Офицера безопасности словно подменили: подобострастность слизнуло, черные брови и курчавые волосы чуть топорщились от избытка здоровья и хорошего настроения, весь вид его был самоуверен и важен, – объяснялось это, конечно, грандиозным успехом: захватом изменника Родины. Червоненко уже прикидывал, как обыграть все дело в Центре для подрыва позиций Тенина, который не раз заявлял в кругу разведчиков, что мышьяная возня офицера безопасности приносит одни склоки и мешает основной работе – борьбе с американцами и НАТО.

– Вот что происходит, когда мы хоть на миг ослабляем бдительность, – наставительно говорил Тенин, тоже понимавший, что это дело могло обернуться против него. – Хорошо, что он во всем сознался... Жаль, что в данный момент мы оказались в темном лесу и не знаем, что планируют эти гады...

– А наш человек у них? Разве он не в курсе дела? – любопытствовал Червоненко, которого резидент иногда использовал на подхвате при проведении тайных встреч и однажды за стаканчиком виски похвастался ему, что держит на связи сотрудника МИ-5.

– Мы должны думать о том, как красивее вывезти Воробьева в Москву, – отрезал Тенин, пожалевший, что когда-то поддался слабости и чуть приоткрыл тайну этому провинциальному идиоту.

– Наверное, лучше использовать для этого наше торговое судно? – осторожно предложил офицер безопасности.

– Нет, это слишком долго, его могут перехватить на пути до Тилбури. Да и судно в пути могут обыскать. Выведем его «Аэрофлотом». И сделаем это просто: в дипломатической почте будет большой ящик. Суньте ему туда баллон с кислородом, а то привезем труп. – и он поморщился, дав понять, что труп его не совсем устраивает.

– Может, сделать, как в прошлом году, когда вывозили еврея-скрипача из Большого? Помните? Обмотали всего бинтами и провезли через пограничный контроль как тяжело-

больного, – сказал Червоненко и заулыбался, – он всегда улыбался, когда произносил слово «еврей», словно рассказывал анекдот.

– Шаблон вас погубит, Никита Петрович, – спокойно возразил Тенин. – Хотя в вашем предложении есть доля истины. Мы используем вариант с больным в качестве отвлекающего маневра.

– Не понимаю. – офицер безопасности заморгал глазами.

– Кто-нибудь отправляется в ближайшее время в Москву?

– На днях в Москву летит Переверзев, грыжу оперировать...

Резидент снисходительно улыбнулся, он-то досконально знал, что секретарь парторганизации использует операцию грыжи как предлог для резких атак на посла за недооценку идеологической работы в совколонии. Переверзев совсем недавно сам жаловался на это резиденту и получил полную его поддержку, более того, за успех предстоящей важной миссии были раздавлены две бутылки превосходного «Еревана» из запасов, сделанных во время распродажи.

– Очень хорошо. Поговорите с ним. Мягко, конечно. Скажите, что все это во имя интересов партии. Но этого мало. Скажите Ирине Воробьевой – их квартиру англичашки наверняка прослушивают, – чтобы она «проговорила» о том, что отбывает с мужем в Союз пароходом.

Конечно, резидент мог поговорить с Переверзевым и сам, но он не любил выглядеть просителем и все неприятные и деликатные дела обычно перепоручал.

В кабинет секретаря парторганизации Червоненко вошел без всякой радости, которая обычно сияла на лицах тех, кому выпадало счастье общаться с живым воплощением партии на лондонской периферии. Душа его была переполнена ненавистью к Тенину, опять бросившему его на горячий участок, хотя он не мог отказать ему в высоком полете оперативной мысли. Когда Переверзев услышал от офицера безопасности, что его просят обмотать себе голову и часть туловища бинтами, он окаменел, словно на его партийную лысину сел и вцепился когтями горный орел.

– Мы проводим очень важную операцию по поручению Центрального Комитета (Червоненко говорил подчеркнуто значительно, словно речь шла о предотвращении третьей мировой), вы ничем не рискуете. Даже если англичанам вдруг придет в голову размотать бинты, всегда можно сказать, что у вас дикие головные боли.

– А что? Боли проходят, если обмотать бинтами голову? – удивился Переверзев, страдавший иногда мигренью.

– Бинты от многого помогают, я об этом недавно читал в газете, – нес чепуху Червоненко. – Мы вас очень просим и доложим о вашем участии самому председателю КГБ.

– Меня несколько смущает общественный резонанс внутри нашей партийной организации. Всем известно, что я совершенно здоров... кроме грыжи, естественно, и вдруг меня увозят на носилках и в бинтах!

– Но это ведь может быть обострение грыжи... никто ведь толком не знает, где растет у вас грыжа... – упорствовал Червоненко.

– Вы полагаете, что грыжа может быть на голове? – обреченно улыбнулся Переверзев. – Но ладно! Я всегда хорошо относился к КГБ, и, поскольку это важное партийное дело, я согласен. – и подумал про себя, что лучше не вступать в конфликт с мерзкой организацией: настучат и уберут.

– Тогда по рукам! – взбодрился Червоненко и двумя руками затряс правую руку партийного секретаря, словно поздравлял его с победой на футбольном поле.

Все прошедшие дни Дженкинс лично докладывал шефу ход дела Воробьева и меры против его незаконного вывоза из Англии. Под контроль были взяты и посольство, и все советские суда, и поезда, и, естественно, «Аэрофлот», находившийся под особым подозрением.

Дженкинс прибыл в Хитроу за два часа до отлета самолета «Аэрофлота», полыхая своей легендарной трубкой. Прошедшая ночь выдалась отвратительной: приснилось, что он возвра-

щается от любовницы, заимевшей от него ребенка, тихо крадется по Пикадилли, сжимая в руке пластиковый пакет с постельным бельем. Причем пакет прозрачный, на простынях видны непристойные пятна, все прохожие пялят на него глаза, а Дженкинс пытается спрятать пакет под пиджак, хотя это почему-то не удается, краснеет от стыда, хочет свернуть в боковые улицы, но какая-то неведомая сила крепко держит и не отпускает его. Сон был тем более дурацким, что Дженкинс никогда не изменял своей жене, никогда не имел любовницы и, уж конечно, не бегал на свидания с ней со своим постельным бельем.

С утра наружное наблюдение доложило, что в Хитроу движется русский «рафик» с человеком, обмотанным бинтами, – такого аврала в МИ-5 никогда не видели. К моменту приезда шефа в аэропорт там уже собрался почти весь русский отдел, серьезно усиленный полицейскими из Скотленд-Ярда, – оставалось проинспектировать войска, уточнить задачи и оценить постоянно меняющуюся обстановку.

– Новая информация, сэр: Ирина Воробьева собирает вещи и собирается выехать в Тилбури вместе с мужем, – доложил Джордж.

– Откуда информация?

– От «жучков» у них на квартире.

– Русские знают об этих «жучках»?

– Они могут догадаться, зная, что Воробьев у нас в разработке.

– Пошлите к их дому две машины слежки, и пусть они откровенно следят за домом... пусть кто-нибудь зайдет и попросит Игоря. Сделаем вид, что мы клонули. Если это правда, то не составит большого труда заблокировать машину с Воробьевым на пути в Тилбури.

– Началась посадка, сэр!

Казалось, что тайных агентов больше, чем пассажиров, ими кишел весь аэропорт, особенно у регистрационных стоек, у таможни и на пограничном контроле. К зданию подкатил «рафик», двое парней с военной выправкой вытянули оттуда носилки с перебинтованным больным и направились прямо на пограничный контроль, отправив третьего зарегистрировать билет. У Джорджа загорелись глаза, он радостно посмотрел на шефа, тот подмигнул ему и почесал ухо, что было знаком для Джеймса Барри, стоявшего в бульдожьей стойке вместе с другими коллегами.

Пурников, которому, как самому трезвому в посольстве человеку, доверили сопровождать Переверзева, протянул его паспорт.

– Советник Переверзев? – Джеймс удивленно поднял бровь. – Что с ним?

– Он упал и разбил голову, – ответил русский.

– Вам придется разбинтовать его...

– Но он болен... у него дипломатический иммунитет! – искренне возмутился Пурников, который не сомневался в истинности травм секретаря парторганизации.

– Мы должны идентифицировать личность! – упорствовал Барри.

– И вы хотите оголить его раны?! – вскричал Пурников, до глубины души пораженный хамством англичан, от волнения он даже начал заикаться и заслонил грудью больного. Жаркий спор продолжался, русские упорствовали, и дело чуть не дошло до драки, когда Джеймс оттолкнул первого секретаря и попытался лично разбинтовать больного.

Тем временем к самолету подкатила машина с дипломатической почтой, откуда был извлечен крупногабаритный ящик. Ругань на контроле продолжалась, стороны уже отталкивали друг друга, и, если бы сам страдавший от унижения Переверзев не поднял руку и не начал разматывать себе голову, произошла бы стычка. Когда Джордж увидел перед собою унылую физиономию партийного секретаря, у него отпала челюсть. В растерянности он повернул голову и увидел, что из советской машины с дипломатическим номером, подкатившей прямо к самолету, выгрузили большой ящик.

– За мной! – заорал он, бросаясь в последний и решительный. Все за мной! – и целая орда ринулась к самолету и преградила восхождение по трапу.

Разбираться в дипломатических тонкостях уже не было времени, дипкурьеры, естественно, решительно отказались открыть и показать ящик, англичане сдаваться не собирались, началось яростное мордобитие, подкрепленное вмешательством летчиков. Исход боя решило явное численное превосходство англичан и неуверенность русских, боявшихся полностью разрушить англо-советские отношения.

Тенин, бледный как смерть, наблюдал, как завернули руки Червоненко (трусливый на ковре у начальства, он показывал чудеса храбрости), раскрыли ящик и извлекли оттуда дрожавшего Воробьева, который оказался в нормальной форме, хотя перед отъездом ему вкололи изрядную дозу снотворного. Дженкинс, попыхивавший трубкой недалеко от Тенина и тоже переживавший этот матч, с тонкой улыбкой на устах посмотрел на резидента, и взгляды их встретились, – они прекрасно знали друг друга, хотя никогда лично не встречались.

Взяв свою добычу под руки, англичане доволокли Воробьева до машины и тут же перекрыли движение с помощью полиции. Затем целая кавалькада со звуковыми и световыми сигналами победно полетела в сторону Лондона. Дженкинс и Джордж Листер ехали в одной машине, оба находились в превосходном настроении и сыпали шутками, посмеиваясь над глупостью русских.

– Английская пехота всегда отличалась упорством, это еще Фридрих Энгельс писал! – резюмировал итоги борьбы Дженкинс, блеснув своими университетскими познаниями в марксизме.

Первый допрос Воробьева проводил лично шеф русского отдела у себя в кабинете, держался он уверенно и сиял, словно неаполитанское солнце, приготовившись к благодарностям русского за вызволение из когтей КГБ.

Воробьев еще не оправился после всех потрясений, движения у него были замедленными, как у больного, только что вставшего с постели, и говорил он так, словно ему только что ухнули по голове мешком.

– Господин Воробьев, вы находитесь сейчас под покровительством Скотленд-Ярда (конспирация в МИ-5 всегда была на грани фантастики) и под опекой правительства ее величества. Если вы хотите получить политическое убежище, то мы можем уже сейчас приступить к оформлению некоторых бумаг. Мы рассчитываем на ваше сотрудничество и с удовольствием поможем вам с новой работой, – вещал Дженкинс торжественно и прочувственно.

Воробьев, выслушав эту тираду, поморгал глазами, с трудом переваривая информацию. Наступила неловкая пауза, и Дженкинс даже подумал, что неплохо повторить речь в более доступной для русского форме, более отчетливо выговаривая каждое слово.

– Я не прошу политического убежища и не хочу ни с кем сотрудничать, – вдруг сказал Воробьев и снова замолк, словно впал в транс.

– То есть как? – оторопел шеф.

– Я ничего не хочу! – грубо сказал Воробьев и выпятил челюсть.

– Может, вас вернуть обратно в дипломатический ящик? – не без юмора заметил Джордж, находившийся в кабинете.

– Нет, я останусь в Лондоне и буду жить со своей женой и сыном, – отвечал беглец просто. – С Джейн.

– И какой у вас будет статус?

– Я не хочу отказываться от советского гражданства.

– Конечно, это ваше личное дело... однако...

Дженкинс поправил итонский галстук, напоминая о принадлежности к закрытому клубу гениев, и закурил трубку. Заявление повергло его в смятение, этого он никак не ожидал, и интуиция подсказывала ему, что этот негодяй принесет еще массу неприятностей. Ох уж

эти русские! Он почему-то вспомнил героев Достоевского, жгущих деньги, непредсказуемого идиота князя Мышкина и прочих кретинов, слабо понимающих нормы западной жизни.

Он подошел к Воробьеву и ласково потрепал его по плечу:

– Сейчас вам надо отдохнуть. В интересах безопасности мы временно поместим вас в квартиру с нашей охраной. Думаю, вам и Джейн следует подыскать новую квартиру: я уверен, что КГБ не успокоится и попытается отомстить.

Дженкинс со значением пожал русскому руку, отпустил его в сопровождении Джеймса Барри и прошел в свой кабинет, где выпил почти целый стакан неразбавленного скотча, кляня Воробьева последними словами. Ну и кретин! Правда, опыт подсказывал, что вода камень точит и время лучший целитель, ставящий все на свое место. Он побарабанил пальцами по столу и предложил Джорджу навестить Джейн, обрисовать ей сложившуюся обстановку и попросить повлиять на своего возлюбленного в нужном для правительства ее величества направлении.

Джордж, совсем недавно переживший унижения во время беседы со зрителем, не пришел в восторг от этого задания, но служба есть служба, на следующий день он купил букет хризантем и бодро направился на Бакстоун-гарденс. Начало не предвещало ничего хорошего: уже во дворе он наткнулся на Барбару, которая его уже давно простила и пребывала в убеждении, что он ее преследует, добиваясь счастья прошлых дней.

– Какие чудные цветы! Спасибо! – сказала она нежно и протянула руки к букету.

Джордж засуетился, шаркнул ногой, спрятал за спину букет и улыбнулся.

– Извини, Ба, я не к тебе. Тут живет мой приятель, у него сегодня день рождения...

Ответ был достаточно глуп и привел Барбару во вполне законную ярость: сощурив глаза, она закатила своему бывшему любовнику такую пощечину, что он чуть не рухнул на землю. Подождав, когда рассвирепевшая тигрица удалится, Листер решительно двинулся в апартаменты Джейн, отметив про себя, что неприятности имеют обыкновение бежать гурьбой друг за другом.

Джейн встретила его с сыном на руках и милостиво приняла букет. Лицо ее, как у сфинксов у колонны с Нельсоном на Трафальгарской, ничего не выражало.

– Извините меня, мисс Макдермот, но я из Скотленд-Ярда. Вчера русские попытались насильно увезти в Москву вашего... мужа, вы, конечно, прочитали об этом в газетах. Сейчас он временно у нас, однако существует проблема: он собирается жить с вами и сыном, но не заботится о своем статусе и не хочет просить политического убежища. Не буду от вас скрывать, – Джордж сдвинул брови, – что в холодной войне его жест, пусть небольшой, имел бы определенный резонанс. Все это важно для нашей старой доброй Англии...

Джордж вел беседу улыбочиво и мягко, однако слабо представлял, с каким крепким орешком имел дело: Джейн органически ненавидела любое вмешательство в ее личную жизнь, и она даже порозовела от возмущения, что превосходно сочеталось с рыжими распушенными волосами. К тому же от Листера нестерпимо пахло обожаемой им мускусной водой с Ямайки, эту воду она тоже не терпела после скоротечного романа с одним нестерпимо вонючим ямайцем.

– Во-первых, мы не женаты и Игорь мне не муж! – сказала она железным голосом. – Во-вторых, я не понимаю, на каком основании Скотленд-Ярд вторгается в мои дела и оказывает давление, в-третьих, я немедленно пойду к своему члену парламента и попрошу его направить запрос правительству по поводу ваших действий, в-четвертых, я направлю письмо в «Таймс», наконец, меня достала ваша добрая Англия, да здравствует свободная Шотландия! Мне продолжать?

Уже в начале монолога Джордж понял, что стучится лбом в каменные ворота, и он стал интеллигентно ретироваться, опасаясь, что слова перерастут в истерику с неожиданными последствиями.

– Спасибо, мисс Макдермот. Извините меня за вторжение.

И он побежал вниз по лестнице, в душе проклиная рыжую ведьму. Что случилось с Англией и ее народом, так любившим свои секретные службы, так лелеявшим их? Или все дело заключается в том, что Джейн – шотландка, а эти глупые горцы со времен Марии Стюарт ненавидят истинных англичан и даже мыслят о независимости? Или просто упали нравы и граждане перестали понимать, что, помогая секретным службам, они укрепляют государство и обеспечивают свою собственную безопасность?

Тем временем продолжались баталии на дипломатическом уровне, на сей раз огонь открыла английская сторона, и совпосол был срочно приглашен на Даунинг-стрит и все в том же темном костюме с ленинским значком на лацкане предстал перед английским министром иностранных дел. Было ясно, о чем пойдет речь, однако, хотя Тенин просил его занять наступательную позицию, он решил не ерепениться, проявить разумную нейтральность и косвенно дать понять министру, что варварские штучки секретной службы, тайно транспортирующей своих граждан в сундуках, ему не по душе. Сделать это нужно было тонко, не дай бог, в Форин-офисе сидит какой-нибудь кагэбэшник «крот», который тут же настучит о предательстве государственных интересов.

– Ваши люди из КГБ грубо попирают английские законы, господин посол, – сухо начал министр. – Мы объявляем господина Червоненко персоной нон грата и требуем, чтобы он покинул Великобританию. Вот вам меморандум, читаете на досуге.

– Спасибо, – сказал посол. – Мы, конечно, его изучим, однако сразу же хочу заявить, что никакого КГБ в посольстве не было, нет и не будет!

При этом он весьма приветливо и даже с юмором смотрел на министра, который тут же вспомнил собственные слова об отсутствии в Англии контрразведки и позволил себе расхохотаться. Оба поняли друг друга с полуслова.

– Не хотите ли скотча, Павел? – министр был любезным и добрым человеком и не терпел обострения отношений, тем более личных.

– Спасибо, Гордон, – молвил посол, принимая из рук министра виски.

Министр тоже не выносил спецслужбы, чужие и свои, последние даже больше, ибо они за ним охотились, когда он был в оппозиции. Правда, он частенько попивал порт в клубе «Реформ» с руководителем МИ-5, своим школьным другом, но обсуждали они исключительно одну тему: виды и способы выращивания хризантем – оба были заядлые любители, не пропускали ни одной важной выставки этих цветов.

Посол и министр больше темы Воробьева не касались, а окунулись в воспоминания о славных днях, когда министр еще был в оппозиции и мог позволить себе съездить с послом на охоту в Шотландию.

Посол спустил все дело на уровень консула, начавшего упорно требовать личного свидания с украденным соотечественником. Сначала англичане мягко отказывали, но потерпевший держался вяло и не высказывался против визитов к нему соотечественников. Сначала явился сам советник посольства Тенин и повел с ним увещательную беседу о родине, о партийном долге, о советском народе. Беседу вел мягко, по-отцовски, ласково прищуривал глаза. Затем его почтил консул и говорил в том же духе, правда, с большой заботой о его детях, которым уже наверняка не устроиться в престижные институты в Москве, не говоря уже о работе.

– Вы пожалеете о своем шаге, Игорь, – говорил консул. – Родина у всех одна, как и жизнь. Вы измучитесь от тоски. А что скажут ваши дети? Ваши старые отец и мать? Подумайте о них...

Затем объявилась Ирина с сыном, убитая не столько бегством Игоря, сколько общественным позором.

– Как мы будем жить? – она громко сморкалась в платок, теребя мятые усики, насквозь промоченные слезами. – Что ты делаешь, Игорек? Ты бросаешь нас!

И сын, уже получивший в школе заряд о том, что нет ничего хуже предательства, интуитивно завывал ей в тон.

– Ира, все кончено, пути назад нет... – уныло повторял Игорь, и его голубые глаза блестели от слез.

– За что? за что? – всхлипывала она.

– Вернись, папуля! – тоже плакал сын. – Я люблю тебя!

Джордж, которому было поручено наблюдать за свиданиями, стискивал зубы, чтобы самому не разрыдаться от этих ужасных сцен. Игорь, как обычно, колебался и, возможно, вернулся бы, если бы не крики сына, фальшь которого его внезапно потрясла. Боже, снова жить с этой ужасной женщиной, вконец исковеркавшей мозги и душу ребенка своими идеологическими бреднями, оставить преданную Джейн и розовошекого младенца... нет! никогда!

Дженкинс и весь отдел ликовал по случаю победы над русскими в Хитроу, сражение называли русским Ватерлоо, где лавры герцога Веллингтона принадлежали Дженкинсу.

Вскоре с помощью контрразведки Воробьев переселился на охраняемую квартиру на окраине Лондона, Джейн с ребенком последовали туда и начали новую жизнь. Больше гуляли и смотрели телевизор, а еще больше времени проводили в постели, что совсем не так плохо, как некоторые считают.

– Вчера я был в школе славяноведения, мне обещают работу. Когда мы устроим свадьбу? Я хочу, чтобы мы обвенчались в церкви.

– Но сначала ты должен получить развод. К тому же я католичка, в какой церкви мы будем венчаться?

– Жена уже уехала в Москву... я даже не знаю, что делать. Видимо, напишу отсюда заявление в загс и найду адвоката в Москве. Но как, не выезжая в Москву, найти там адвоката? Может, если я попрошу убежища, меня автоматически разведут?

Иногда на Игоря наваливалась тоска и охватывало раскаяние, он скучал по детям, жалел брошенную Ирину, его, англофила, вдруг потянуло на селедку и черный хлеб, – в такие минуты он распечатывал бутылку московской водки, которую покупал вместе с другими русскими деликатесами в эмигрантской лавке, медленно пил ее до самого конца, неподвижным взглядом смотря в окно, где было безлюдно и тихо, лишь иногда, словно сенсация, возникал автомобиль. Умная Джейн понимала его славянскую душу, навеки привязанную к русским просторам с их безысходной печалью, она знала, что лучшее лекарство от тоски – это маленький Игорь, и вручала коляску. Гуляя с сыном, он все равно вооружался радиоприемником, чтобы послушать московские передачи, англичане начинали его раздражать, и он даже перестал читать когда-то любимый «Обсервер».

МИ-5 гордо ожидала, когда он сам попросит о сотрудничестве, а резидентура КГБ не собиралась сдаваться и так просто принять оплеуху, полученную в аэропорту. Перед отъездом в Москву персона нон грата Червоненко, обретший важность после своих подвигов на аэродроме и упоминаний его фамилии английской прессой, в последний раз навестил резидента.

– Вы должны гордиться тем, что они вас выгоняют: значит, боятся, а это самая высокая оценка работы чекиста, – торжественно говорил хитрый Тенин, думая, что невелика потеря, хорошо, что этого болвана выгоняют англичане, а не он сам: такая идея уже давно бродила в его голове.

– Спасибо, Олег Антонович! – сказал Червоненко с чувством, превращаясь от счастья уже в совершенно писаного красавца.

– Англичашки со свойственной им самоуверенностью думают, что утерли нам нос. Напрасно так думают: вчера я послал шифровку в Центр с предложением организовать встречу Воробьева с его родителями. Если жену с детьми он и в грош не ставит, то родителей, как нам известно, глубоко почитает. Я вас попрошу по прибытии в Москву взять все это дело под контроль.

– Обязательно, Олег Антонович. Желаю вам боевых успехов!

Они крепко пожали друг другу руки и трижды, как положено на великой Руси, облобызались.

В Москве Червоненко развил бурную деятельность, посещая сановные кабинеты в ЦК КПСС и в КГБ. Слушали его внимательно, особенно когда он в деталях описывал потасовку в Хитроу, умело всовывая себя в эпицентр событий. Англичан он рисовал подонками, которые только и мечтают перевербовать всех советских граждан, о резиденте отзывался скептически, акцентируя недооценку им сложной контрразведывательной работы, а инициативу с транспортировкой в Лондон родителей беглеца полностью приписывал себе и упорно пробивал во всех кругах. Он надеялся на скромную «Красную Звезду», в худшем случае на «Почетного чекиста», и потому сил не жалел: вернуть перебежчика – разве это не высочайший класс пилотажа? Наконец идею одобрили, и герой направился на свидание с родителями.

В далеком украинском селе Марынка стоял полдень. Старуха Полина Воробьева закончила шить трусы своему мужу, и он, весьма довольный обновой, напялил их на себя и радостно крутился перед зеркалом. В новых трусах он выглядел помолодевшим и совсем выздоровевшим (только недавно перенес операцию), и от радости Лев Борисович несколько раз выбросил ноги в краковяке, который любил танцевать в молодости. Правда, от танца началась одышка, и тут старина неожиданно громко перднул.

– Что ты сказал? – спросила глуховатая Полина. В этот момент к покосившейся избенке подкатил «газик» с милиционером и Червоненко, выглядевшим торжественно, как секретарь обкома, приехавший на посевную.

Страж порядка легко выскочил из машины и без стука запросто толкнул дверь.

– Здорово, Левушка! И ты, Поля, здравствуй! Трусы, что ли, новые меришь? Поздравляю с обновкой, надо бы обмыть.

Милиция в деревне – это редкость и большое начальство, с которым нужно всегда иметь добрые отношения, поэтому старуха засуетилась, Левушка быстренько натянул на себя выходные штаны, и на столе появилась бутылка самогона. Тут милиционер сбегал за Червоненко, который ожидал в машине, не желая появляться до прояснения обстановки. Все с удовольствием махнули по стаканчику, закусив соленым огурцом.

– А мы по важному делу приехали, – сказал милиционер. – Вас в Москву приглашают.

И посмотрел на Червоненко.

– Это еще зачем? – насторожился Лев. – Я – фронтовик, два ордена Славы имею...

– Да нет, ничего плохого там не задумали, – успокоил его Червоненко. – Хотят вас послать в Лондон.

– Куда?

Старики оцепенели от неожиданности.

– С Игорьком что-то стряслось, – запричитала Полина. – Сыночек, миленький, что с тобой? – и она зарыдала.

Потом Червоненко долго рассказывал своему начальству о том, с каким трудом ему удалось уговорить родителей Воробьева, на какие уловки ради этого важного дела пришлось пойти. Какую изворотливость ума проявить и сколько пережить, успокаивая плакавшую Полину и напившегося Льва, который, узнав об истории с сыном, вдруг превратился в Тараса Бульбу и посулил придушить Игоря собственными руками.

МИ-5 возражала против выдачи визы Воробьевым, но политические соображения Форин офиса, опасавшегося за репутацию Англии, как матери демократии, победили. Дженкинс и Листер лично прибыли в Хитроу, чтобы своими глазами посмотреть на родителей Воробьева и выработать план действий. Среди толпы западных пассажиров старики выглядели весьма экстравагантно: Лев по торжественному случаю надел сапоги и галифе, набросил потертый китель еще военной поры, а сверху – огромный овечий тулуп, делавший его похожим на кавказского

пастуха. Полину тоже не миновал такой же тулуп, голову она закутала в цветной платок, тулуп же расстегнула, чтобы все видели ее вышитое украинскими узорами платье.

– Из-за этих либеральных дипломатов мы можем очень крупно подзалететь, – ворчал Дженкинс. – Этот Воробьев уже давно у меня в печенках: проку от него никакого, по своим качествам он и на дворника не потянет! Может, плюнуть на все, отказаться от попыток сварить с ним кашу, снять охрану, пусть живет себе со своей безумной шотландкой!

– Все-таки это мы затеяли все дело, – говорил Джордж, думая, что если бы не дурацкая затея шефа с вербовкой, то отдел не трясло бы. – Нам нельзя терять лицо, мы должны довести до конца борьбу с КГБ и указать этим гадам на место!

Встреча Воробьева с родителями, проходившая под контролем Джорджа Листера, носила драматический характер. Слезы лились неиссякаемым водопадом, приступы любви сменялись лютой ненавистью, в комнате Скотленд-Ярда, специально выделенной для этого randevu, стояли такие вопли, что пришлось закрыть наглухо форточки, дабы не пугать прохожих на улице.

– Игорь, если ты не вернешься, я прокляну тебя! – тонким дискантом заходился папаша Лев. – Я не хочу быть отцом предателя, ты опозорил всю нашу семью.

– Игоречек, миленький, вернись домой! – рыдала Полина, встав перед сыном на колени. – Я убью себя, если ты не вернешься. Я обмотаю горло бечевкой и повешусь прямо на трубе. Или достану у аптекарши Сони мышьяк и сожру его, словно крыса!

Это доконало Игоря, всю ночь он не спал, тяжело вздыхал, кашлял, ворочался и иногда зарывался в подушку и плакал. Джейн делала вид, что ничего не замечает, но, после того как целый день он провалился, хмыкая носом, в постели, она приняла решение.

– Тебе нужно вернуться, Игорь. Наша жизнь не будет счастливой, если ты будешь так мучиться. В конце концов, мы любим друг друга, я всегда смогу приехать к тебе, если тебя не выпустят...

Прощание с Джейн было тяжелым, хотя прекрасная шотландка и виду не подала, что переживает.

– Прости меня, Джейн, мне жалко родителей... они умрут без меня... я не могу этого перенести, – лепетал он, смутно осознавая подкоркой, что несет ерунду. – Мне сказали, что как только я разведусь официально, то смогу обратиться в президиум Верховного Совета с просьбой о воссоединении с семьей. Но до этого ты должна приехать в Москву, и мы оформим наш брак в загсе. Знаешь, какие у нас красивые дворцы бракосочетаний? – он улыбнулся с гордостью и хлопнул носом. – Так что все будет нормально, ты не беспокойся. Ты же помнишь: «Расстаться нам велит судьба, не видно перемен, но буду я любить всегда мою малютку Джейн»?

Она помнила, она даже улыбалась, она вынула из коляски сына и протянула плачущему Игорю. О, если бы он знал, как она ненавидела и презирала его!

– Все будет в порядке, дорогой Игорь, – уверенно говорил Тенин уже в самолете (он лично отвечал за операцию по вывозу). – Я гарантирую вам, что вы останетесь работать в своем министерстве в Москве. Даю честное слово чекиста. Конечно, получите выговор по партийной линии, – все-таки вы дали промашку, но потом его снимут. Разведетесь с Ириной, дело-то ведь не политическое, а житейское, я сам разводился. Один раз, но трудно. Вступите в законный брак с Джейн, вернетесь сюда. А вдруг Джейн понравится Москва? – Тенин врал убедительно, ласково похлопывая Игоря по спине.

– А меня не посадят в тюрьму? – спросил Игорь на всякий случай.

– Да у нас что? Сталинские времена? За что сажать? Вы обо всем рассказали, как подobaет советскому человеку, ничего плохого не сделали! Где работали, там и останетесь работать!

В МИ-5 примирились с отъездом незадачливого русского.

– Говорят, что человек не должен сам отличать победу от поражения. Как вы считаете, Джордж? – вопрошал Дженкинс, раскопегарив свой бриар.

– Кажется, мы достигли многого и сделали самое главное: показали с помощью прессы, что советский режим бесчеловечен и КГБ – это жестокий монстр. Уже многие недели дело Воробьева не сходит со страниц газет... – подыгрывал шефу умный Джордж, нежно поглаживая лысину.

– Пожалуй, вы правы, – согласился Дженкинс безрадостно.

Самое главное – ощущать победу самому и не лишать этого чувства подчиненных. Победа это или нет, рассудит будущее. И контрразведчики выпили в ближайшем пабе по «Гиннесу» за свои успехи.

Советская власть действительно оказалась милостивой: в тюрьму Воробьева не посадили, правда, хорошенько допросили и попугали на Лубянке, а затем исключили из партии за аморальное поведение, отметив заслуги посольства в профилактической работе с кадрами. Из министерства тоже не уволили, а назначили заместителем начальника речного порта в волжский городок Козмодемьянск, почти полностью сохранивший свое дореволюционное очарование: деревянные домишки, раскинувшиеся на холме, сады с цветущими яблонями, шумный рынок, гуси и кошки на улицах. Поселился Воробьев в деревянной избе недалеко от маленькой пристани времен еще царя Гороха, важное название «порт» ничего ей не прибавляло. За окном радостно смеялись босые дети, и вообще жизнь была солнечной и прекрасной.

Такой прекрасной, что невозможно было не пить – но не как изнеженные джентльмены в клубах, а по-русски: мутно, безвылазно, безнадежно. Пить в одиночестве, когда в сигаретном дыму вдруг проступали контуры такого знакомого Биг-Бена, вздымались брызги от ударов весел во время регаты на Темзе, крутились холеные шпичи в Хемстеде, рядом с домиком Китса. «Приходи, мой грустный беби, приходи и не тоскуй!» – напевал он себе под нос по-английски, думал о Джейн и сыне, каменел от выпитого и падал в постель.

С Ириной он развелся, его попытки вызвать Джейн в Москву успеха не имели, письма до нее не доходили, телефонные звонки прерывались, да и от Джейн не поступало никаких вестей, словно она решила навсегда исчезнуть из его жизни, поддавшись давлению властей. Так он пил и бродил по городку в потертом пиджаке и тренировочных штанах, суда в этот порт заходили редко, больше торговые, на которых всегда находились собутельники. Так и метался между домом и портом, заливаясь самогоном.

Начиная с мая, когда Волга уже сбрасывала лед и город окутывала весна, иногда заходили туристские суда, там бывали и англичане, и американцы, шумно и с любопытством выкатывавшиеся на берег. Они поражались просторной красоте города и застенчивой сдержанности жителей. Ухоженные и свободные заморские гости и подумать не могли, что повсюду за ними бдели чекистские глаза.

В такие дни Игорь оживал и брился, надевал штаны «Большевичка» вместо спортивных шаровар, в глазах у него появлялись искры жизни, и он старался держаться поближе к туристам, вслушиваясь в английскую речь. Ему грели сердце чисто британские диалоги о погоде, где одно и то же толклось в ступе, но каждый раз сверкало на новый манер, и о том, что волжский городок чем-то напоминает Брайтон, который он обожал и часто выезжал туда с Джейн и сыном. Подходить к туристам Воробьев не решался, опасаясь КГБ, да и вряд ли они пошли бы на контакт с человеком, похожим на бродягу, хотя подобных бомжей множество в Лондоне, и они даже склонны выступать с самодельных трибун в Гайд-парке. Туристы не замечали его, они не знали, как нежно он любит всех их и несравненный Лондон, и добрую королеву, и увлекательную охоту на лисиц в Шотландии, и скачки в Аскоте. Он смотрел на них, и снова представлял себя вместе с Джейн и сыном, и уже заранее страдал, зная, что туристы скоро покинут городок.

Однажды он все же решил заговорить с добродушным джентльменом, мялся, топтался, но так и не вымолвил ни слова, правда, англичанин принял его за нищего и дал целый фунт стерлингов, который пришлось тут же запрятать, не дай бог, увидит кто-нибудь из соотече-

ственников. Фунт он положил в «Письма лорда Честерфилда сыну», которые иногда перечитывал, прихлебывая из бутылки.

Во время захода очередного туристского судна к нему пришел капитан в сопровождении пожилой англичанки.

– Эта дама хочет тебя видеть, Львович! – сказал капитан добродушно, человек он был смелый, ветеран и пьяница, не боявшийся никаких контактов с иностранцами и уважавший Игоря за жизнь и работу в Англии.

– Мне очень приятно с вами познакомиться, – сказала англичанка, с трудом скрывая свое удивление всем видом этого странного человека. – Меня просили передать вам посылку.

Он даже не поблагодарил, схватил коробку и вихрем помчался в свою избенку. Руки дрожали, когда он судорожно распечатывал посылку, наконец, он вытащил баночку супа из бычьих хвостов, железные коробки с «Эрл Грей», стопку приложений к «Обсерверу» об искусстве, несколько пачек табака «Клан» и большую бутылку «Джонни Уокер» с черной этикеткой. Там же лежала фотография уже повзрослевшего сына и записка, которую он прочел вслух:

Расстаться нам велит судьба,
Не видно перемен,
Но буду я любить всегда
Мою малютку Джейн.

Подпись отсутствовала.

Он свинтил головку виски, налил полный стакан и залпом отправил в рот, вслушиваясь, как напиток течет по пищеводу, согревает желудок и кровь. Затем набил трубку присланным табаком и, откинувшись на стуле, долго курил и блаженствовал, поглядывая то на записку, то в темное окно. Еще раз ощупал все подарки, даже понюхал «Обсервер», он пахнул типографской краской, сугубо английской. Вдруг Игорь спохватился, вылетел во двор, долго копался в сарае и вернулся с большим железным крюком. Встал на стул, вбил крюк в деревянную стену, разыскал толстую веревку, закрепил один конец на крюке, из другого сделал петлю, набросил себе на шею. Выпил еще стакан виски, снова встал на стул и двумя ногами отбросил его...

Рвануло, взрезало кожу на шее, – но вылетел крюк.

Он шлепнулся об пол, бессильно забил по нему кулаками, вскочил, добавил еще стакан виски, схватил записку со стихами и уже спокойно, словно отправляясь на обычную прогулку, вышел из дома. Еще светило заходящее солнце, и мутные воды Волги нежно коснулись его тела, мелкие рыбешки иногда выпрыгивали и тут же скрывались под водой, зазывающе играя блестящими хвостами.

Игорь медленно шагал по илистому дну и думал, что в это время красные двухэтажные автобусы мчат по Пикадилли, а Джейн с сыном кормят орешками серых белок в Гайд-парке.

Воробьев прибавил шаг, никогда в жизни он не был так решителен. Он шел и шел, пока зеленоватые воды безучастно текущей реки не накрыли его с головой.

Бумажка с расплывшимся текстом прощально дрожала на мелких волнах.

Расстаться нам велит судьба.

Драма английского гея

Моя прелестная роза, мой нежный цветок, моя лилейная лилия, наверное, тюрмой предстоит мне проверить могущество любви. Мне предстоит узнать, смогу ли я силой своей любви к тебе превратить горькую воду в сладкую.

*Из письма Оскара Уайльда
лорду Альфреду Дугласу 20 мая 1895 года.*

В кабинет военно-морского атташе Великобритании Барнса, с картинным видом на Софийскую набережную на фоне кремлевских башен, вошел приятной наружности, застенчивый молодой человек, доложил о благополучном прибытии из Соединенного Королевства и замер, как положено начинающим.

Энтони Барнс оторвался от «Красной звезды», приветливо улыбнулся, поинтересовался погодой в Лондоне, настроением и жизнью (джентльменский набор), ибо джентльмен обязан быть одинаково учтив и с королем, и с простолюдином, никогда не подчеркивать своего превосходства.

Джон Уоррен – так звали прибывшего клерка – что-то молот о Бристоле, где родился, о маме, о впечатляющих замках на побережье, но Барнс его не слушал, собственно, он уже прочитал его дело, присланное диппочтой из Адмиралтейства. Типичная биография серого клерка: провинциальное детство, папа-священник (к тому же пьяница), не блистал в школе, отслужил армию без всяких взлетов, затем – подготовительные курсы и первые шаги по службе в Адмиралтействе. Не хвалили, но и не ругали, приходил и уходил вовремя, начальству не дерзил, поручения выполнял исправно, интеллектом не поразил, впрочем, как можно оным поразить, собирая вырезки из газет и подшивая в досье документы?

– Очень хорошо, что вы не кончали университет, – благодушно трубил Барнс, – приятно об этом говорить, имея за плечами Оксфорд. – Высшее образование портит людей, начиная их излишними амбициями, а разведка, которой вам придется заниматься здесь, естественно в рамках технической работы, требует прежде всего добросовестности и аккуратности. Со временем мы сделаем из вас настоящего разведчика-профессионала, ведь разведка – это стиль жизни, а на выработку его требуется время.

Барнс любил пофилософствовать о разведке и ее роли в мировой истории, тем более что дела у московского военно-морского атташата шли прескверно, все конфиденциальные контакты оказывались подсадными утками КГБ, а честные русские, заговорив с англичанином, тут же набирали воды в рот и прикидывали, когда и куда лучше дать деру и быстренько настучать.

Такое было времечко.

Барнс уже собирался завершить свой монолог пассажем о планах внезапного удара с советских подлодок в Северном море прямо по Англии и США, как дверь отворилась, и вкатился растрепанный, красномордый толстяк с сигарой в зубах, весьма напоминавший мистера Пиквика после интенсивного катания на коньках. Впрочем, несмотря на весь свой добродушно распухший облик, мистер Грегори Олби являлся ключевой фигурой в посольстве, будучи резидентом Секрет интеллидженс сервис, прикрытым постом первого секретаря.

– Знакомьтесь, Грегори, – сказал Барнс. – Это наш новый технический помощник Джон Уоррен. Как говорят гомо советикус: превосходный кадр. А Сталин учил: кадры решают все!

Он порадовался и своему остроумию, и своей начитанности.

Новый сотрудник не произвел никакого впечатления на многоопытных джентльменов. Когда он удалился, Грегори лишь хмыкнул «красавчик!», Барнс неопределенно повел бровями, отметив про себя ухоженность нового сотрудника, его добротный, бельгийской ткани костюм

и запахи крепкого одеколона, что не есть хорошо, ибо истинный джентльмен ничем не должен обращать на себя внимания, даже запахами.

Когда Джон вошел в комнату к секретарше Мэгги, уже затухающей брюнетке лет тридцати пяти, с выщипанными бровями, доведенными до тонкости мышиных хвостиков, то она влюбилась в него с первого взгляда и даже чуть покраснела, когда его ей представили. На ее компаньонку по кабинету, юную и белолицую машинистку Пэт, наоборот, отутюженный и до приторности вежливый Уоррен произвел ужасное впечатление: она нашла его дурно воспитанным и себе на уме.

– Посмотри, с каким вкусом он одет! – восторгалась Мэгги. – Наконец в нашей занудной колонии появился красивый мужчина!

– Может, он и красив, но ему не хватает мужественности, – возражала Пэт. – И вообще я не люблю, когда мужчины уделяют столько внимания своей внешности...

– Конечно, тебе по душе такие толстые грязнули, как Грегори, – возмутилась Мэгги. – У него всегда такой мятый костюм, словно его жевала корова... И воняет изо рта!

– Конечно, Грегори не чистюля, – парировала Пэт. – Но это настоящий мужчина, с которым можно хоть на край света!

В коридоре Джона перехватил и затянул к себе Юджин Барановски, симпатичный молодой поляк в желтом твидовом пиджаке, уроженец первопрестольной и гражданин СССР, штамповавший в консульстве визы. Он приготовил кофе, угостил новичка рюмкой коньяка и грустно поведал о тяжести жизни тех англичан, которые варятся в собственном соку или на худой конец в английском клубе, где пьянствует и танцует вся шантрапа дипломатического корпуса. Барановски считал Москву городом веселым и значным, если, конечно, не ограничиваться Третьяковкой и Большим театром, а окунуться в живую жизнь, ключом бившую за бортом посольства. Конечно, английские инструкции этого не поощряли, но от этого общение с русскими не теряло своей привлекательности, более того, можно подзаработать, сбывая западные вещи и покупая в комиссионных магазинах сокровища, которые потом потрясут аукционы Сотбис и Кристи...

– Если возникнут проблемы бытового характера, я к вашим услугам... – и Юджин ласково, возможно даже слишком ласково, потрепал Джона по плечу.

В посольстве предстояло осваивать заковыристые дела военно-морского атташата: положение в советских ВМС и его высшем руководстве, проблемы стратегии и тактики и прочее. Главный источник информации – официальные публикации, иногда удавалось заполучить газеты Севастополя или Мурманска, их прорабатывали, как сверхсекретные документы, выискивая жемчужные зерна. А что еще делать, если слежка наступает на фалды?

В ближайший четверг предполагалось посольское мероприятие, и Уоррен на всякий случай осведомился у шефа:

– Мне нужно быть на приеме?

– Конечно, ваше присутствие было бы желательно, – мягко ответил Барнс. – Но по этикету на приемах в посольстве бывают только дипломаты, а не технические работники. Но я уверен, что своей хорошей работой вы заслужите повышение.

Холодный душ. Самое обидное, что еще в Лондоне Джон пошил себе великолепный смокинг, и так хотелось опробовать его на деле! Он даже примеривал его перед зеркалом вместе с манишкой и черной бабочкой – выглядел, как бывший премьер-министр сэр Энтони Иден в молодости, писанный красавец.

Барнс – симпатичный человек, но сноб до мозга костей, ходячее доказательство катастрофического раскола Англии на классы. Как будто не минули времена колонизаторов в пробковых шлемах и баронов, проводящих свои дни на верховой охоте на лисиц (существо безмолвное в погоне за существом несъедобным), как будто в стране еще не получили равные права женщины и не вышли на арену тред-юнионы. Уже с самого начала он подметил, что англий-

ское посольство разделялось на первый и второй сорт, в последний, увы, попадал он вместе с другими техническими работниками.

– Как поживаете, Джон? Где вас поселили? – это Мэгги с мышинными хвостиками.

– В доме, где живут наши коллеги. На пятом этаже.

– Очень мило! Значит, мы соседи, я живу на третьем. После работы тут очень тоскливо, мы с Пэт иногда ходим потанцевать в английский клуб. Надеюсь однажды вас там встретить. Вы хорошо танцуете?

– Мне трудно об этом судить – застенялся Джон. – Дайте мне привыкнуть к разнице во времени, я уже один раз проспал работу. К тому же тут ужасные морозы.

– Советую вам купить лисью шапку, вам она будет к лицу. Но я спешу, гуд-бай!

Английский клуб, морозы за окном, танцы, лисья шапка – все это не вызывало никакого энтузиазма, а Мэгги просто была тосклива, как овсяная каша, другое дело – веселая компания джазменов, с которыми он дружил в Лондоне. Собирались ежедневно, говорили на одном дыхании... Славные были денечки, а тут...

Выйдя из посольства, Барановски поднял воротник, пытаясь защититься от морозного ветра, прошел по набережной, прыгнул в троллейбус и добрался до сероватого жилого дома, где на конспиративной квартире, в густом дыму от папирос «Казбек» его ожидал майор КГБ Виталий Громов. Особо не рассусоливали, налили чаю и сразу же перешли к обсуждению гнезда «дятлов» – так именовали англичан на конспиративном языке и даже пошучивали: «Как птички? Долбят?» – «Долбят, туды их растуды, аж клювья дымятся от усердия!»

Громов традиционно считал англичан исчадием ада: только на вид вялы и аморфны, а на самом деле лицемерны, коварны, жестоки и вербуют наших людей пачками, просто мы об этом не знаем! И вообще творят черт знает что, только три дня назад жена второго секретаря, совершенно невинно выглядевшая девка, гуляя с ребенком, поставила на столбе мелом крест, явный сигнал тайному агенту. Такие вот пироги!

– На днях в атташат приехал новый сотрудник Джон Уоррен...

– Я знаю, мы даже успели его проверить через нашу резидентуру в Лондоне. Серая мышка. Эдакий денди, который пыжится выглядеть важнее, чем он есть на самом деле. Типичный английский сноб!

– «Дятлы» быстро поставят его на место, – засмеялся Барановски. – Я еще не раскусил его... но... я должен проверить свое первое впечатление.

По основным параметрам КГБ Уоррен выглядел как абсолютно бесперспективный: не пил, не бросился тут же в коммиссионный, не посматривал на девушек, плотоядно облизывая губы (наружка фиксировала и это), не гнался за наживой – последнее особо раздражало Громова, подобно Наполеону, он считал англичан нацией лавочников, готовых удавиться из-за одного шиллинга, и часто вспоминал случаи, когда один дипломат торговал через посредника поношенными носками.

Верный агент КГБ Евгений Барановски только согласно кивал головой, слушая рассуждения Громова (его он считал законченным кретином и мечтал, когда его передадут на связь другому оперу), и удивлялся, откуда Громов набрался всех этих ветхих идей, возможно относившихся к Англии прошлого или начала этого века. Он не знал, что его куратор недавно стал секретарем парторганизации английского отдела и по-новому организовал партучебу, привязав ее к оценкам «дятлов», сделанным великими Марксом, Энгельсом и Лениным. Ильич особо крыл их за лицемерие («все люди лицемерны, но никто так не лицемерен, как англичане!», натерпелся от своей лондонской домохозяйки!). Недавно, прочитав марксово эссе о лорде Пальмерстоне, он очень удачно перенес анализ характера беспринципного и хитрого лорда на все посольство Великобритании в Москве, что вызвало восторг присутствовавшего на семинаре представителя «большого» парткома, который потом месяца три пропагандировал положительный опыт Громова на всех конференциях и собраниях...

Джон Уоррен скучал. Английское посольство жило размеренной жизнью, по воскресным дням старались вырваться за город, чаще всего в район Николиной горы, где гужевался под контролем УПДК весь дипломатический корпус. Выезды туда младших чинов вполне допускались, но не поощрялись, да и не хотелось Джону вновь видеть опостылевшие физиономии. Он закрыл книгу и посмотрел в окно: шел снег, и дворник, закутанный в огромный тулуп, сгребал его в кучу такой же огромной фанерной лопатой – на Альбионе такого чудо-идиотизма и представить себе было невозможно. А что делает сейчас мама? Отец умер совсем недавно, и она еще не научилась жить без него, просыпалась и не знала, что делать. Наверное, пошла в церковь вместе с сестрой Маргарет, работавшей в муниципалитете Бристоля. Когда будет побольше денег, он обязательно пригласит маму в Москву. Хотя бы на неделю, ведь она редко куда выезжала. Попытался читать – не смог, раскрыл альбом с марками, полистал и закрыл. Включил телевизор – на экране ухоженная тетя рассказывала о новом постановлении партии и правительства, говорила так мудрено, что Джон со своим русским ничего не смог уловить. Посмотрел на себя в зеркало, вздохнул.

И тут раздался телефонный звонок – на проводе была Мэгги, черт побери! Поговорила немного о том, как прекрасны воскресные дни и как пушисты снега за окном, посетовала, что он убивает свое время в одиночестве, а потом предложила развеять его в английском клубе. Представил себя танцующим с Мэгги, и его передернуло. Господи, кто придумал этот идиотский ритуал, когда мужчина бессмысленно, как конь, трется о женскую грудь и стучит ногами? Отвратительные касания бедер, духота в зале, теплый пар от тела... фу! Нет, он неважно себя чувствовал, спасибо. С облегчением повесил трубку, налил виски, выпил и прилег... На душе было гнусно, вдруг остро захотелось в Лондон, особенно в клуб Ронни Скотта, куда хаживала их компашка, а потом в укромный ресторанчик в Челси, где пиршествовали одни особы мужского пола и приход женщины вызывал шок...

Барнс возлюбил своего подчиненного, поручил ему регистрировать все секретные документы и даже составить справку о военных объектах в Ленинградской области. Попутно наставлял: во всем необходимо чувство меры, осторожность в контактах с русскими, о каждом докладывать, однако не следует бояться их как черт ладана, надо изучать врага, ходить в театры и музеи, в то же время не отрываться и от родного английского коллектива.

Легче всего Уоррен чувствовал себя с Барановски, тот пару раз угощал его коньячком в кабинете и советовал смотреть на жизнь проще: она дается один раз, она прекрасна, и надо уметь использовать каждую секунду, сплин – это удел безмозглых, и в России можно великолепно устроиться: русские – беззаботны и легкомысленны, в отличие от американцев не живут, чтобы работать, а работают, чтобы жить, они не заботятся о будущем, беспечны, готовы пропить последнюю копейку – и в этом их прелесть. Разве это не прекрасно и не напоминает заветы знаменитого георгианца доктора Самуэля Джонсона? Барановски подошел совсем близко, его теплое дыхание обдавало Джона, мутило ему голову, вдруг их колени встретились, Уоррен подался вперед, но Барановски отступил в сторону и выпил еще рюмку.

После ухода англичанина Юджин срочно связался с Громовым и попросил о встрече, на которой и поведал ему свои экстраординарные наблюдения.

– Не может быть! – не поверил Громов. – Вы в этом убеждены?

– Все-таки у меня большой опыт, Виталий Григорьевич, вы же знаете мою биографию. Честно говоря, я уже при первом знакомстве почувствовал, что он гомосексуалист, но решил это перепроверить... это самый настоящий пассивный тип...

– А как вы это угадываете? Есть какие-то признаки? – заинтересовался Громов, подавляя отвращение к извращенцу, глубокое и искреннее, как и у большинства советских людей.

– Вам этого не понять, все это происходит на уровне интуиции, – уклонился от детального ответа Барановски.

– В любом случае это большая удача, Женечка, рыбка сама идет в сети. Впрочем, в Англии в правящих кругах очень много гомиков. Говорят, все это идет от частных мужских школ, где нет девочек, и потому мальчики живут друг с другом. А потом это становится генетическим кодом, вся нация, точнее, правящий класс постепенно становится «голубым» и медленно деградирует. – Громов захохотал, представив страшную картину полного падения Англии.

Барановски деликатно указал на могущество Греции и Рима, где в ходу были мальчики, на величие известных гомосексуалистов – Оскара Уайльда и Андре Жида, тут он имел неосторожность добавить несколько слов по поводу Петра Ильича, но патриотизм Громова не выдержал такого удара, и он прервал агента:

– Все это глупости насчет Чайковского! Но давайте подумаем, как лучше организовать разработку...

Вскоре Барановски пригласил Джона к себе на квартиру, обставленную шведской мебелью, с небольшой коллекцией картин полуопальных советских художников. Закусывали на кухне, ничего не пили, кроме дурманящего, крепкого Эрл Грея из настоящего Веджвуда, улыбались друг другу, само собой перешли в спальню, и было прекрасно. Так счастливо закончилось одиночество Джона Уоррена, жизнь стала простой и легкой, все проблемы ушли на задний план, Барановски оказался большим оптимистом и превосходным рассказчиком, блестяще знавшим и английскую, и русскую историю.

– Да, коммунизм жесток, но разве не была жестокой диктатура Кромвеля? Русские просто не доросли до англичан и переживают период, который вы прошли еще во времена Алой и Белой розы. Вся разница между нами и вами – лишь во времени...

– Я счастлив, что мы встретились... – Джон был взволнован и не скрывал этого.

– Нам обоим повезло, – не остался в долгу Барановски. – Если хочешь, я познакомлю тебя со своими друзьями. Это талантливые честные люди, тебе будет интересно с ними. У меня только одна просьба: не рассказывай ничего своему начальству. Ни обо мне, ни о моих друзьях. Иначе меня могут уволить из посольства.

Это было хорошо понятно, еще в Лондоне он привык держать язык за зубами, когда дело касалось его личной жизни, в конце концов, он был частью небольшой тайной секты, презираемой грубым большинством. Не боится ли Барановски КГБ? Тот не скрывал, что боится, но зачем «голубые» нужны органам, если они ловят шпионов? У западников психоз проник в кровь: повсюду им мерещится КГБ с микрофонами и злодеями, а ведь чисто технически невозможно прослушивать всех, как Большой Брат у Орвелла!

Уоррен улыбался и счастливо кивал головой – он верил каждому слову своего нового друга.

В здании на Лубянке шла обычная работа.

Высокий и худой, торчавший над столом, как пальма в кадке, генерал Чикин листал дело Уоррена. Человек он был обстоятельный, пришел в органы с партийной работы, в свое время окончил знаменитый Институт философии и литературы и до сих пор дружил со многими известными литераторами. К тому же он, подобно Набокову, коллекционировал бабочек, имел пятерых детей от одного брака (!) и отличался не свойственным начальникам добродушием. Генеральский кабинет из красного дерева был вывезен в свое время из Германии, точнее, его отобрал шеф Смерша Абакумов у одного строптивного генштабиста, которого посадил: полированный стол, старомодные книжные шкафы, набитые классиками марксизма-ленинизма и конфискованными справочниками и энциклопедиями вроде Брокгауза или Ефрона.

Над генералом висел традиционный портрет Ленина с рукой, воздетой к коммунистическим небесам, на столе рядом с массивным бронзовым прибором стоял бюст железного Феликса, а вообще-то облик Чикина в очень советском, плохо пошитом светлом костюме не вязался с озабоченными и вдохновенными физиономиями вождей.

О гомосексуализме Петр Иванович Чикин был наслышан еще на лекциях по древней истории в ИФЛИ и относился, как ни странно, к этому позорному занятию с юмором и терпимостью.

– Значит, согрешил! – смеялся он. – Так кто же он? Девочка или мальчик?

– Девочка, товарищ генерал, как я и предполагал. На их языке – пассивный! – разъяснял Громов.

– Будто я не знаю! – Петр Иванович даже обиделся. – С пассивными легче работать. Они влюбчивы, как школьницы, из них можно хоть канаты вить. Скажу честно, я до работы в органах и не подозревал, что в нашей стране еще сохранились «голубые». Правда, однажды, когда работал в тамбовском райкоме, поехал в командировку и оказался в одном гостиничном номере с армянином, кажется председателем какого-то совхоза. Однажды он угостил коньяком, поговорили и легли спать. И вдруг чувствую, что кто-то залез ко мне в постель... да я ему, извиняюсь, чуть всю штуку с потрохами не оторвал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.